

РИЧАРД ФРИМЕН
ДОКТОР ТОРНДАЙК
БЕЗМОЛВНЫЙ СВИДЕТЕЛЬ

ИДДК

Доктор Торндайк

Ричард Остин Фримен

**Доктор Торндайк.
Безмолвный свидетель**

«ИДДК»

1914

Фримен Р.

Доктор Торндайк. Безмолвный свидетель / Р. Фримен — «ИДДК», 1914 — (Доктор Торндайк)

ВНИМАНИЕ! СОДЕРЖИТ СЦЕНЫ РАСПИТИЯ СПИРТНЫХ НАПИТКОВ. ЧРЕЗМЕРНОЕ УПОТРЕБЛЕНИЕ АЛКОГОЛЯ ВРЕДИТ ВАШЕМУ ЗДОРОВЬЮ. ВНИМАНИЕ! СОДЕРЖИТ УПОМИНАНИЕ КУРЕНИЯ ТАБАКА ИЛИ УПОТРЕБЛЕНИЯ НИКОТИНСОДЕРЖАЩЕЙ ПРОДУКЦИИ. КУРЕНИЕ ТАБАКА ИЛИ УПОТРЕБЛЕНИЕ НИКОТИНСОДЕРЖАЩЕЙ ПРОДУКЦИИ ВРЕДИТ ВАШЕМУ ЗДОРОВЬЮ.

Ричард Остин Фримен (1862–1943) – британский писатель, автор детективов о судебно-медицинском следователе докторе Торндайке, серии из 22 романов и 40 рассказов. Фримен утверждал, что изобрел перевёрнутый детектив, направление в детективном жанре, где преступник, в отличие от традиционного детектива, известен с самого начала повествования.

Автор был членом Детективного клуба с самого его основания в 1930 году. Доктор Джон Эвелин Торндайк – вымышленный детектив по профессии доктор, он обратился к судебной практике и стал одним из первых ученых судебно-медицинской экспертизы. В расследовании убийств Торндайку часто помогал его коллега Кристофер Джервис (обычно выступает в качестве рассказчика) и всегда находчивый лаборант Натаниэль Полтон. В отличие от многих других детективов-любителей и частных сыщиков, Торндайк имеет хорошие отношения с полицией, несмотря на то, что доказывал им неправоту следователей во многих делах. Внешне Торндайк высокий, атлетически сложенный, красивый и умный. Он никогда не был женат и не имеет детей.

© Фримен Р., 1914

© ИДК, 1914

Содержание

Глава 1. Начало загадки	7
Глава 2. Находка ларца	12
Глава 3. «Кто такая Сильвия?»	15
Глава 4. Септимус Мэддок, покойный	18
Глава 5. Комната смерти	26
Глава 6. Военный совет	34
Глава 7. Невидимый враг	41
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Ричард Остин Фримен

Доктор Торндайк. Безмолвный свидетель

Переводчик: Грузберг Александр Абрамович

© Грузберг Александр Абрамович (перевод)

© ИДДК

* * *

Глава 1. Начало загадки

История, которую я собираюсь рассказывать, начинается с такого поразительного случая, что я чувствую что-то похожее на скептицизм по отношению к собственным воспоминаниям и мне почти хочется извиниться перед читателем. Некоторые из этих воспоминаний настолько не соответствуют повседневной жизни, в которой происходили данные события, что кажутся совершенно невероятными; нет ничего более загадочного, чем то, что довелось мне испытать в сентябрьский вечер прошлого года, когда я заканчивал обучение, и вызвало такие поразительные последствия.

Было уже больше одиннадцати часов, когда я вышел из своей комнаты в «Евангельском дубе»; ночь стояла темная, теплая, облачная и угрожала дождем. Но, несмотря на неблагоприятную погоду, я быстро пошел по Хайгейт Роуд и вскоре свернул на Миллфилд Лейн. Это мой любимый маршрут, и красивая аллея, так причудливо извивающаяся и между Нижним Хайгейтом, и холмами Хэмпстеда, знакома мне во всех подробностях.

Прекрасные летние утра, когда кукушки кричат в глубине Кенвуда, когда на тропу падают золотые пятна солнечного света, а дерзкие белки играют в прятки в тени под грандиозными вязами (хотя это место на расстоянии слышимости от Вестминстера и откуда виден купол святого Павла); зимние дни, когда Хит кутается в белую мантию и слышен звон коньков внизу на пруду; августовские вечера, когда я неожиданно натываюсь на уединившихся влюбленных (к нашему взаимному замешательству) и ухожу, делая вид, что ничего не заметил. Я знал все такие моменты и любил их. Само название этого места уносило мое воображение в те сельские времена, когда остряки собирались в таверне «Старая фляжка», а Джон Констебл ходил по этой самой аллее, повесив через плечо палитру.

Едва я миновал фонарь на входе в аллею, стало очень темно. Очень тихо и одиноко. Не было ни души, потому что последние влюбленные в этот час разошлись по домам, а это место редко посещается даже днем. Вязы нависли над дорогой, погружая ее в почти осязаемую черную тень, их листья таинственно шептались на ночном ветерке. Но темнота, тишина и одиночество были для меня приятным отдыхом после долгих часов учения и блеска печатных страниц, и я шел мимо призрачного пруда и маленького дома с соломенной крышей, окунувшись в тишину и темноту, испытывая сожаление, что вскоре придется с этим расстаться. Потому что я сдал последний экзамен и вскоре должен буду начать профессиональную карьеру.

Вскоре начался легкий дождь. Предчувствуя, что придется сократить прогулку, я пошел быстрее и, пройдя мимо двух столбов, оказался на самой узкой и уединенной части аллеи. Дождь усилился, и резкий ветер подул поперек дороги. Я встал под защиту высокой дубовой изгороди на краю аллеи и ждал, пока пройдет ливень. Стоя спиной к изгороди и задумчиво набивая трубку, я впервые ощутил полное одиночество этого места.

Я осмотрелся и прислушался. Здесь было темнее, чем в других местах аллеи, это место похоже на траншею между двумя высокими изгородями. Я смутно видел столбы у входа и группу больших вязов над ними. А в противоположном направлении, там, где аллея резко поворачивала, была абсолютная тьма, только слабо блестела влажная земля и из-за угла выступал пенек или корень дерева, очень похожий на ногу, лежащую пальцами вверх.

Дождь шел непрерывно с мягким шорохом, листья шептались и отвечали дождю. Шотландские сосны у меня над головой шевелились на ветру со звуком, напоминающим далекий плеск моря. Голоса природы, приглушенные и торжественные, не зависели от человека, не обращали на него внимания, и над всем этим висела глубокая, все обволакивающая тишина.

Я сильнее прижался к изгороди и слегка вздрогнул, так как ночь становилась холодной. В узкой, похожей на траншею аллее немного посветлело не потому, что небо прояснилось, а потому, что земля была залита водой. Столбы стали виднее на фоне черной влажной дороги,

и странно выглядящий пенёк на углу тоже стал виден отчетливее. И снова мне показалось, что он удивительно похож на ногу – в обуви с носком, направленным вверх.

Над Хитом послышался звон церковного колокола, словно человеческий голос прорезал эту унылую тишину. Через короткий промежуток над спящим городом торжественно прозвучал Биг Бен.

Полночь, и мне пора идти домой. Нет смысла ждать, когда прекратится дождь. Это не порыв ливня, а устойчивый дождь, который может идти всю ночь. Я снова закурил, поднял воротник и приготовился шагнуть под дождь. И когда сделал шаг, мое внимание снова привлек этот необычный пенёк. Очень похож на ногу, и странно, что я не замечал его в моих частых прогулках по аллее.

Я почувствовал неожиданное детское любопытство, мне захотелось посмотреть, что это такое, и я пошел по влажной дороге. Конечно, я ожидал, что, когда подойду, иллюзия исчезнет. Но этого не произошло. Сходство усилилось по мере приближения, и теперь меня влекло не только любопытство.

Это была нога! Я с потрясением понял это еще в нескольких шагах и, когда подошел к углу, увидел человека, лежащего на повороте тропы, и его безвольная позиция с одной повернутой ногой сразу все мне сказала.

Я потрогал пальцами его запястье – оно липкое и холодное – и не ощутил пульса. Я зажег спичку и поднес к его лицу. Глаза широко открыты и покрыты пленкой, смотрят прямо в небо. Расширенные зрачки не чувствительны к огню спички, глазное яблоко не реагирует на прикосновение пальца.

Вне всякого сомнения, этот человек мертв.

Но как он умер? Просто упал и умер от какой-то естественной причины или был убит? Никаких очевидных ранений, не видно крови. При огне спички видно только, что одежда влажная, но такое состояние может скрывать значительное количество крови.

Спичка погасла, и я какое-то время смотрел на лежащую под дождем фигуру; дождь падал на лицо, и профессиональный интерес сочетался с тревожным ощущением присутствия смерти. Однако профессиональный интерес победил и заставил попытаться определить причину смерти; я собирался провести более тщательный осмотр тела, как что-то прошептало мне, что нехорошо оставаться ночью одному с мертвым человеком, возможно, убитым. Если бы имелся хоть какой-то признак жизни, мой долг был бы ясен. Но теперь нужно думать и о своей безопасности. Придя к такому заключению, я бросил последний взгляд на лежащую фигуру и быстро пошел в сторону дома.

Свернув с Миллфилд Лейн на Хайгейт Райз, я увидел на противоположной стороне дороги полицейского, стоящего под деревом; свет фонаря падал на его блестящий брезентовый плащ. Я пересек дорогу и, когда он вежливо коснулся своего шлема, сказал:

– Боюсь, там в аллее что-то неладно, констебль. Я видел тело человека на дороге.

Констебль сразу проснулся.

– Вы имеете в виду мертвого человека, сэр? – спросил он.

– Да, он несомненно мертв, – ответил я.

– Где вы видели тело? – спросил констебль.

– В узкой части аллеи, у конюшен Менсфилд Хауса.

– Это на некотором расстоянии отсюда, – сказал констебль. – Вам лучше пойти со мной и сообщить в участке. Вы уверены, что этот человек был мертв, сэр?

– Да, нисколько не сомневаюсь. Я врач, – добавил я с некоторой гордостью. Хотя уже три месяца врач, но это сознание для меня все еще новое.

– Правда, сэр? – спросил полицейский, глядя на мое не вполне зрелое лицо. – В таком случае, полагаю, вы осмотрели тело?

– Только поверхностно, чтобы убедиться, что он мертв, но я не смог определить причину смерти.

– Да, конечно, сэр. Это мы узнаем позже.

Мы разговаривали на ходу, полицейской пошел вниз по холму неторопливо, но в таком темпе, что для меня это оказалось серьезной физической нагрузкой. Я видел, как он время от времени смотрит на меня с явно профессиональным интересом. Мы почти дошли до основания холма, когда впереди появились фигуры в водонепроницаемых плащах.

– Ха! – произнес полицейский. – Это очень удачно. Инспектор и сержант. Можно не идти в участок.

Когда офицеры подошли, он обратился к ним и коротко пересказал то, что ему сообщил я.

– Вы уверены, что тот человек мертв? – спросил инспектор, внимательно глядя на меня. – Впрочем, нам не нужно стоять здесь, обсуждая это. Сержант, сходите за носилками и принесите их как можно быстрее. Я должен попросить вас, сэр, пройти со мной и показать, где лежит тело. Сержант, отдайте джентльмену ваш плащ, в участке возьмите себе другой.

Я с благодарностью принял плащ, потому что продолжал идти сильный дождь, и мы с инспектором пошли назад, туда, откуда я пришел. И пока мы шли по темной аллее, инспектор задавал мне разумные вопросы.

– Как вы считаете, давно ли мертв этот человек? – спросил он.

– Думаю, недавно. Тело еще не окоченело.

– Вы не видели никаких следов насилия?

– Нет. Никаких явных повреждений не было.

– Каким путем вы шли, когда увидели тело?

– Тем же, каким мы идем сейчас. Я иду назад тем же путем.

– Вы кого-нибудь встретили или видели в аллее?

– Ни души, – ответил я.

Он какое-то время обдумывал мои ответы, потом задал ожидаемый вопрос.

– Как вы оказались на аллее в такое время ночи?

– Я гулял, – не смутился я, – как делаю каждый вечер. Обычно я заканчиваю свое вечернее чтение в одиннадцать и прогуливаюсь перед сном, постоянно по Миллфилд Лейн. Ваши люди должны были меня встречать.

Это объяснение, по-видимому, его удовлетворило, и мы какое-то время шли молча. Наконец, когда мы прошли между столбами на узкую часть аллеи, инспектор спросил:

– Мы уже почти пришли?

– Да, – ответил я, – тело лежит впереди на повороте.

Я посмотрел вперед в поисках ноги, которая сначала привлекла мое внимание, но ничего не смог увидеть. Но, к своему удивлению, я не увидел ее и когда мы подошли ближе, а когда дошли до угла, я остановился в изумлении.

Тело исчезло!

– В чем дело? – спросил инспектор. – Я думал, это место, о котором вы говорили.

– Это оно и есть, – подтвердил я. – Тело лежало здесь, поперек дороги, и одна нога высовывалась из-за угла. Кто-то, должно быть, его унес.

Инспектор несколько мгновений пристально смотрел на меня.

– Что ж, сейчас его здесь нет, – сказал он, – и если его унесли, то только в сторону Хэмпстед Лейн. Идемте посмотрим.

Не дожидаясь моего ответа, он быстро пошел по аллее, и я за ним.

Мы шли по извилистой аллее, пока не миновали ворота сторожки, не увидев исчезнувший труп и никого не встретив, и потом повернули назад и вернулись на прежнее место и, когда подходили к повороту, слышали громкий топот.

– Идет сержант с носилками, – заметил инспектор. – Мог бы избавить себя от хлопот. – Он снова посмотрел на меня, на этот раз с нескрываемым подозрением. – Никакого тела здесь нет, Робсон, – сказал он сержанту, с которым были два полицейских с носилками. – Оно как будто исчезло.

– Исчезло! – воскликнул сержант, бросив на меня крайне неодобрительный взгляд. – Это удивительно, сэр! Как оно могло исчезнуть?

– В этом-то и вопрос, – нахмурился инспектор. – И другой вопрос: а было ли вообще тело? Вы готовы дать показания под присягой, сэр?

– Конечно, – ответил я.

– В таком случае, – сказал инспектор, – будем считать, что тело здесь было. Опустите носилки. Дальше в ограде есть проход. Мы пройдем в него и осмотрим луг.

Носилки прислонили к дереву, и мы все прошли дальше, туда, где наблюдательный инспектор заметил отверстие в изгороди. Гравий, хотя и влажный, почти не прогибался под ногами, и, хотя сержант и два констебля осветили поверхность фонариками, мы увидели только собственные слабые отпечатки.

Мы очень внимательно осмотрели отверстие в изгороди и землю вокруг, но не видели ни следа того, что кто-нибудь здесь проходил. Короткая трава на лугу (днем я видел, как здесь пасутся овцы) не рассчитана на сохранение следов, и никаких следов мы не увидели. Старательно и безрезультатно осмотрев луг, мы вернулись на аллею и прошли по ней до «ворот поцелуев» у входа на Хэмпстед Лейн. По-прежнему ничего особенного. Правда, на мягком гравии у турникета нашлось много обычных отпечатков, но они нам ничего не сообщили; мы даже не были уверены, не оставлены ли они нами самими, когда мы проходили здесь раньше. Короче говоря, результат нашего расследования таков: тело бесследно исчезло.

– Исключительное дело, – недовольно проворчал инспектор, когда мы шли назад. – Тело взрослого человека невозможно положить в карман и незаметно уйти даже в полночь. Вы абсолютно уверены, сэр, что этот человек был мертв, а не просто в обмороке?

– У меня нет никаких сомнений в том, что он был мертв, – заверил я.

– Со всем уважением, сэр, – сказал сержант, – я думаю, вы ошиблись. Я думаю, этот человек был без сознания, а когда вы ушли, дождь привел его в себя, и он смог встать и уйти.

– Не думаю, – ответил я, хотя не так уверенно: я все-таки мог ошибиться, потому что не видел никаких смертельных ран, и предположение сержанта казалось вполне разумным.

– Какого роста был этот человек? – спросил инспектор.

– Не могу сказать, – задумался я. – Нелегко судить о росте человека, когда он лежит, а освещение слабое. Но могу сказать, что он невысок и довольно слабого телосложения.

– Можете описать его?

– Пожилой мужчина, примерно шестидесяти лет. Похож на священника: на нем был воротник священника, с узкой черной полоской впереди. Чисто выбрит, и, я думаю, на нем было черное одеяние священника. Рядом на земле лежала высокая шляпа и коричневая трость из ротанга, но точно не могу сказать, потому что большая часть находилась под ним.

– И вы увидели все это при свете одной спички? – спросил инспектор. – Вы очень хорошо пользуетесь своими глазами, сэр.

– В моей профессии без этого работать невозможно, – сдержанно ответил я.

– Это верно, – согласился инспектор. – Должен попросить вас сделать заявление в участке, и посмотрим, не появится ли что-нибудь новое. Простите, что задерживаю вас в такой дождь, но ничего не поделаешь.

– Конечно, – подтвердил я, и мы в мрачном молчании пошли к участку, который выглядел очень жизнерадостно и уютно, несмотря на мрачные синие фонари у входа.

– Что ж, доктор, – сказал инспектор, когда прочел мое заявление и я его подписал, – если что-нибудь выяснится, мы вам сообщим. Но я сомневаюсь, чтобы мы еще что-нибудь

услышали об этом. Мертвый или живой, тот человек как будто совершенно исчез. Возможно, сержант все-таки прав, и ваш мертвец сейчас спит в своей постели. Доброй ночи, доктор, и спасибо за все ваши старания.

К тому времени как добрался до своего жилья, я смертельно устал и очень замерз, поэтому смог только вскипятить чашку горячего грога. В результате уснул, как только добрался до постели, и проснулся, когда осеннее солнце прошло сквозь венецианские жалюзи.

Глава 2. Находка ларца

На следующее утро я проснулся со смутным сознанием чего-то необычного и, когда очень быстро, что характерно для молодости и здоровья, вернулся к действительности, сразу вспомнил вчерашние удивительные события, и это вызвало целую цепь рассуждений. Мысленным глазом я снова очень ярко увидел лежащего в расслабленной инертной позе под безжалостным дождем человека, его неподвижные зрачки, нечувствительные глазные яблоки, запястье без пульса. Снова увидел мокрую тропу, лишенную своего ужасного бремени, полного подозрений инспектора, недоверчивого сержанта, и снова начали возникать вопросы, на которые у меня не было ответа.

Может, я все-таки ошибочно принял живого человека за мертвого? В высшей степени маловероятно, но не невозможно. Или тело унесли, не оставив следа? Опять-таки маловероятно, но не невозможно. Два маловероятных предположения исключают друг друга. И каждое из них так же невероятно, как другое.

Бреясь и принимая ванну, я снова и снова обращался к этой проблеме. Я думал о ней во время позднего неторопливого завтрака. Но ни к какому выводу мои размышления не привели. Человек, живой или мертвый, неподвижно лежал на аллее, пока я укрывался у ограды, и, вероятно, какое-то время еще до этого. Пока я отсутствовал, он исчез. Таковы факты, несмотря на открытое недоверие полиции. Как он сюда попал, что вызвало его смерть или бесчувствие, как он исчез и куда – таковы вопросы, на которые не находилось ответов.

Усталость прошлой ночи сделала меня несколько ленивым. Сегодня мне не нужно было идти в больницу. Время отпуска, медицинская школа закрыта, преподаватели в основном разъехались, и в палатах мне нечего делать. Я решил взять день отпуска и провести его гуляя по Хиту. Приняв такое решение, набил трубку, сунул в карман альбом для рисования и вышел.

Ноги сами понесли меня к Миллфилд Лейн. Как я уже сказал, это обычный маршрут моих прогулок, и сегодня утром, когда свежи воспоминания о вчерашнем дне, я вполне естественно пошел привычным путем.

Этим утром аллея выглядела совсем не так как вчера, когда я видел ее в последний раз. Мрачность и ночное опустошение сменились золотым солнечным светом прекрасного осеннего дня. Вязы, уже одетые в неяркое одеяние прошедшего года, задумчиво вздыхали, вспоминая ушедшее лето; пруды отражали голубое небо, и аллея была полна мелькающего солнечного света и холодной, умиротворяющей тени.

Узкое продолжение аллеи за столбами окутывалось, как всегда, печальной тенью, за исключением мест, где сквозь щели между досками изгороди пробивался зеленый свет. Я сразу прошел к тому месту, где лежало тело, наклонился и стал внимательно разглядывать каждый камешек. Но не осталось ни следа. На жесткой, покрытой гравием почве не виднелось углублений ни от тела, ни даже от наших шагов, а что касается пятен крови, даже если они были, их сразу уничтожил дождь: здесь поверхность имеет значительный наклон, и ночью ее покрывал поток воды.

Я прошел к отверстию в ограде – оно с правой стороны тропы, и увиденное меня сразу разочаровало: не осталось даже наших вчерашних следов. После бесцельной прогулки по лугу, теперь занятому стадом овец, я вернулся на аллею и медленно пошел назад мимо того места, где прятался от дождя. И здесь обнаружил первый намек на разгадку тайны. Я немного отошел от места, где видел тело, когда заметил темное пятно на верхней части высокой изгороди. Очень слабое и малозаметное на поверхности дубовой древесины в пятнах от непогоды, но оно привлекло мое внимание, и я остановился, чтобы получше рассмотреть его. Изгородь с пятном на другой стороне от того места, где отверстие: я укрывался здесь, потому что это подветренная сторона, менее подверженная действию дождя.

Я внимательно посмотрел на пятно. Оно тянулось от верха изгороди – изгородь высотой семь футов – на полпути до земли, постепенно тускнея во всех направлениях. Цвет тускло-коричневый; очень похоже на то, что кровь стекала по влажной поверхности. Вблизи края доски с пятном вертикальная щель, и я без труда отломил кусочек древесины; рассматривая сломанный кусочек от стороны трещины, я увидел, что он покрыт красновато-коричневым веществом; у меня не имелось сомнений, что это высохшая кровь; в трещине она была защищена от заметного контакта с дождевой водой.

Естественно, я принялся внимательно разглядывать землю непосредственно под пятном. У основания изгороди в глубокой тени боролись за свое существование сорняки. Видно было, что на них наступали, хотя следы этого почти незаметны. И вот когда я разглядывал несомненное повреждение на стебле сухой крапивы, то увидел среди ее листьев какой-то яркий предмет. Я поднял его и стал рассматривать, и был он очень необычен. Очевидно, это часть какого-то украшения, но ничего подобного я никогда не видел. Похоже на маленький продолговатый золотой ящичек с восемью сторонами; с обеих сторон он заканчивается маленькими восьмиугольными пирамидами с кольцом на вершине, как будто часть ожерелья. Из восьми плоских сторон шесть покрыты четырехсторонней фольгой, по четыре с каждой стороны; на двух сторонах выгравированы буквы: AMDG с одной стороны и SVDF – с другой. Насколько я видел, нет никаких фирменных знаков и никаких средств, чтобы открыть ящичек. Казалось, он подвешивается на тонкой шелковой нити, часть которой еще привязана к одному кольцу; видны следы изношенности там, где нить оборвалась.

Я завернул найденный предмет и оторванный кусочек изгороди в носовой платок (я оторвал кусочек с целью провести химический анализ пигмента крови) и продолжил расследование. Следы как будто показывают, что тело перевалили через изгородь, и в таком случае возникает вопрос: что по ту ее сторону? В течение нескольких секунд я внимательно прислушивался, потом, не слыша никаких шагов, ухватился за верх ограды, подтянулся, сел на нее верхом и огляделся. Изгородь огибала маленькое озеро, заросшее травой; несколько водяных курочек встревожились при моем появлении; за озером темная масса леса Кенвуд. Поверхность между оградой и озером покрыта высоким тростником, и на нем прямо подо мной отчетливые следы ног; особенно отчетливы те следы, что ведут к лесу – или от леса, невозможно сказать, куда именно. Однако в моем случае, так как других следов не было, очевидно, что человек, оставивший их, перебрался через изгородь. Я спрыгнул на траву, осмотрел землю, не нашел ничего нового и пошел по следу.

Какое-то время следы шли по высокой траве, где отпечатки особенно видны; потом пошли по лесу, и здесь, на мягкой почве, покрытой опавшими листьями, следы глубокие и отчетливо различимые, но вскоре они вышли на тропу, и, так как на другой стороне не появились, стало очевидно, что неизвестный человек пошел по ней. Тропа старая, с хорошо утоптаным гравием, и там, где проходила через лесную тень, густо поросла бархатистым мхом и серо-зеленым лишайником; здесь я с некоторым трудом нашел отпечатки ног. Но они оказались неотчетливыми и не представляли непрерывный след; и их невозможно было отличить от следов других людей, проходивших по тропе. Но даже эти отпечатки я вскоре потерял, когда из-за поворота тропы появился мужчина в шнурованных бриджах и подтяжках, очевидно, сторож. Он вежливо коснулся шляпы и спросил, по какому я делу.

– Боюсь, у меня здесь нет никаких дел, – ответил я. Решил, что неразумно рассказывать ему, что привело меня сюда. – Вероятно, я нарушил границы ваших владений.

– Сэр, это частная собственность, – произнес он, – и так как это очень близко к Лондону, нам приходится быть очень разборчивыми. Возможно, вы хотите, чтобы я показал вам путь отсюда на Хит.

Я с многочисленными благодарностями принял его предложение, потому что он очень вежливо избегался от нарушителей, и мы вместе прошли по прекрасному лесу, пока тропа не привела к простому турникету.

– Вот ваша дорога, сэр, – сказал мужчина, выпуская меня и показывая дорогу, ведущую вниз в долину Хита.

Я снова поблагодарил его и спросил:

– Этот частный дом принадлежит вашему поместью?

Я показал на маленький дом, стоящий на огороженном участке у края леса.

– Это, сэр, – ответил он, – раньше был дом сторожа. Сейчас его ненадолго сдали джентльмену художнику, который пишет картины Хита, но я думаю, что скоро постройку снесут. Говорят, совет округа решил сделать эту территорию общественной. Всего хорошего, сэр.

И сторож, попрощавшись, пошел назад в лес.

Идя домой мимо прудов Хайгейта, я размышлял о связи моих новых открытий с загадочными происшествиями вчерашней ночи. Странное дело и очень зловещее!

Я был убежден в том, что след вел от аллеи в лес, а не от леса к аллее. Убежден был и в том, что тело неизвестного священника унесли. Но куда его унесли? Очевидно, в какое-то уединенное место в лесу. Лучшего укрытия найти невозможно! Здесь, погребенное в листве и плесени, оно может пролежать столетия, и с каждым годом осенняя листва будет все больше покрывать неизвестную могилу.

«Какая связь, – думал я, – между загадочной трагедией и необычным маленьким предметом, который я подобрал? Может, никакой связи. Его присутствие в этом месте может быть простым совпадением». Я развернул носовой платок и снова осмотрел находку. Очень любопытный объект. У меня были только смутные предположения о его цели или использовании. Может, медальон с прядью волос – мертвого ребенка, жены, мужа или даже возлюбленного. Невозможно сказать. Конечно, можно найти ответ, разобрав сам предмет, но мне не хотелось портить эту красивую маленькую безделушку; к тому же она не моя. Я понимал, что мне следует публично объявить о находке, хотя обстоятельства делали такой шаг неразумным. Но если у него есть какая-то связь с трагедией, то какая связь? Предмет принадлежал покойнику или его уронил убийца, каким я считал второго человека? Возможно и то и другое, хотя значение этих предположений разное.

Далее возникал вопрос, что мне предпринять. Очевидно, мой долг – известить полицию о найденном на изгороди пятне и о следе в траве. Но должен ли я отдать и загадочный предмет? Казалось, это правильный поступок, но ведь между предметом и преступлением может не быть никакой связи. Наконец я подумал, что приму решение в соответствии с отношением полиции.

По пути домой я зашел на участок и сообщил инспектору о своих новых открытиях; он все старательно записал и заверил меня, что дело будет расследоваться. Но его манеры свидетельствовали об откровенном недоверии и были даже слегка враждебными, и его настойчивые советы никому об этом не говорить, показывали, что он считает мои слова заблуждением, если не сознательным розыгрышем. Соответственно, хотя впоследствии не раз себя в этом упрекал, я ничего не сказал о безделушке и, уходя из участка, унес ее в кармане.

Полиция ничего не сообщала мне об этом загадочном деле. Позже я узнал, что она провела поверхностное расследование, о чем будет рассказано ниже. Но о деле ничего не сообщалось, и у меня не требовали никакой новой информации. Что касается меня, то я, естественно, не мог забыть о таком таинственном происшествии, но время и многочисленные жизненные интересы все дальше отодвигали эти воспоминания, и они там бы и оставались, если бы их снова не извлекли на свет последующие события.

Глава 3. «Кто такая Сильвия?»

В больнице начался зимний сезон, но в Хэмпстеде октябрь – это нечто вроде возвращения лета. Конечно, деревья отчасти теряют свою роскошную листву, и тут и там среди зелени появляются рыжие и золотые пятна, как будто оркестр природы настраивается перед исполнением последней симфонии. Но солнце яркое и теплое, и, если день за днем оно все дальше отходит от зенита, об этом ничего не говорит, только удлиняются полуденные тени и розовыми становятся облака, передвигающиеся по голубому небу.

Иные и более талантливые перья описывали очарование осени и красоту Хэмпстеда – короля пригородов всемирного метрополиса, поэтому воздержусь от описания и замечу только, так как это имеет отношение к рассказу, что часто в те дни, когда в больнице кипела работа, я прогуливался по неистощимому Хиту или по прилегающим к нему аллеям и полям. По правде сказать, в последний год обучения я не очень прилежно трудился; до этого очень много работал, а сейчас был еще молод и только через несколько месяцев мог поступить в Коллегию хирургов. Я обещал себе, что, когда погода ухудшится, засяду за зимнюю работу.

Я уже упоминал, что Миллфилд Лейн – один из любимых маршрутов моих прогулок; от моего дома это самый прямой путь в Хит, я проходил по нему почти ежедневно и теперь всегда вспоминал ту дождливую ночь, когда нашел мертвого – или потерявшего сознание – человека, лежащего поперек узкой тропы. Однажды утром, когда я снова проходил мимо, мне пришло в голову, что стоило бы нарисовать это место в альбоме, чтобы была память об этом событии. Живописная привлекательность этой местности не слишком велика, однако, стоя на повороте, там, где увидел тело, я смог нарисовать простую, но достаточно удовлетворительную композицию.

Я не художник. Точный и вразумительный рисунок – это все, на что я способен. Но даже такое скромное достижение может быть полезно, как я не раз убеждался во время работы в палатах и лабораториях. Меня часто удивляло, что учителя нашей молодежи уделяют так мало внимания возможностям графического выражения; и сейчас оно тоже помогло мне, хотя и непредвиденным образом и не было вполне оценено в тот момент. Я точно изобразил изгородь, столбы, стволы деревьев и другие четко очерченные формы и начал менее успешно изображать листву, когда услышал быстрые легкие шаги со стороны Хэмпстед Лейн. Интуиция – если таковая вообще существует – нарисовала очертания личности и оказалась права: из-за поворота тропы вышла девушка примерно моего возраста, просто и удобно одетая и несущая коробку для печенья и раскладной стул. Она не была мне совершенно незнакома. Я так часто встречал ее на аллее и в Хите, что мы узнавали друг друга, и я гадал, кто она и что делает с этой коробкой.

Я отступил, пропуская ее, и она прошла мимо, бросив один быстрый вопросительный взгляд на мой альбом, и двинулась дальше; выглядела она очень оживленной и деловой. Я смотрел, как она шла по тропе, затем между столбами и исчезла в солнечном свете снаружи за стволами вязов, потом вспомнил о своем рисунке и попытках изобразить листву так, чтобы она не напоминала березовый веник.

Закончив рисунок, я бесцельно пошел, в сотый раз размышляя о своих открытиях на этой самой аллее. Возможно ли, что человек, увиденный мною, был не мертв, а только без сознания. Я в это не верил. Все обстоятельства – поза и вид лежащего, пятно на изгороди, след в траве и непонятная золотая безделушка – все противоречило такому предположению. Но, с другой стороны, человек не может исчезнуть незаметно. Это не безымянный бродяга. Это священник, человек, известный очень многим; его исчезновение было бы немедленно замечено и вызвало бы многочисленные строгие вопросы. Но, очевидно, никто никаких вопросов не задавал. Я не видел никаких упоминаний в прессе об исчезнувшем священнике, и полиция ничего не знает,

иначе немедленно обратились бы ко мне. Все это дело окутано глубокой тайной. Тот человек совершенно исчез, и мертвый он или живой, загадка остается неразгаданной.

В таких размышлениях я почти неосознанно подошел к еще одному своему любимому маршруту – к красивой тропе от Хита к Темпл Фортчун. Поднялся по ступенькам и приготовился разглядывать прекрасную картину, когда мое внимание привлекли несколько полосок чуждого цвета на листьях лопуха. Наклонившись, я увидел, что это следы масляной краски, и предположил, что кто-то очищал палитру, вытирая ее о траву. Мое предположение мгновение спустя подтвердилось: из крапивы торчало что-то похожее на ручку кисти. Но когда я поднял ее, это оказалось не кистью, а очень своеобразным ножом в форме маленького заостренного мастерка, хвостовик которого закреплен в короткой прочной ручке и обвязан промасленной нитью. Я положил найденный предмет в наружный карман и пошел дальше, думая, не оборонила ли его моя прекрасная знакомая; эта мысль по-прежнему была у меня в голове, когда, повернув, я совершенно неожиданно увидел девушку. Она сидела на раскладном стуле в тени изгороди с раскрытым альбомом для рисования на коленях и работала с таким трудолюбием и сосредоточенностью, словно укоряла меня в безделье. Она была так поглощена своим занятием, что не замечала меня, пока я не сошел с тропы и не приблизился к ней с ножом в руке.

– Возможно, – сказал я, протягивая нож и приподняв шляпу, – это ваш. Я только что подобрал его в крапиве вблизи амбара.

Она взяла у меня нож и посмотрела на него.

– Нет, – ответила она, – мастихин не мой, но думаю, я знаю, кому он принадлежит. Думаю, он принадлежит художнику, который много работает здесь в Хите. Вы могли его видеть.

– Я летом видел здесь нескольких художников. О каком вы говорите?

– Что ж, – улыбнулась она, – он очень похож на художника. Очень похож. Настоящий традиционный художник. Широкополая шляпа, длинные волосы и растрепанная борода. И он носит очки для рисования, знаете, с линзами в форме полумесяца, и детские перчатки, что не совсем традиционно.

– Думаю, это очень неудобно.

– Не очень. В холодную погоду или когда так мешают мошки, я сама работаю в перчатках. К ним привыкаешь, и человек, о котором мы говорим, не сочтет их неудобными, потому что работает с мастихинами – ножами для соскребания краски. Поэтому я и подумала, что мастихин принадлежит ему. У него их несколько, я знаю, и он пользуется ими очень искусно.

– Значит, вы видели, как он работает?

– Да, – призналась она, – я раз или два играла в «ищейку». Меня интересовал его метод работы.

– Могу ли спросить, что значит «ищейка»? – поинтересовался я.

– Не знаете? На студенческом сленге так называют человека, который подходит к вам под каким-нибудь предлогом, лишь бы посмотреть на вашу работу.

На мгновение мне показалось, что это удар по мне, и я торопливо сказал:

– Надеюсь, вы не считаете меня такой «ищейкой».

Она негромко рассмеялась.

– Не похоже. Но, учитывая вашу находку, предоставляю вам презумпцию невиновности. А находку лучше сохраните для ее настоящего хозяина.

– А вы не хотите ее взять? Вы знаете вероятного владельца по внешности, а я не знаю, и тем временем можете поэкспериментировать с ней.

– Хорошо, – сказала она, ставя мастихин в лоток для кистей. – Возьму его на время.

Наступила короткая пауза, потом я заговорил:

– Ваш рисунок выглядит очень перспективным. Что получится в результате?

– Я рада, что вам понравилось, – очень просто ответила она, глядя на свою работу. – Хочу, чтобы он получился хорошим, потому как это заказ, а маленькие картины маслом заказывают очень редко.

– Маленькие картины маслом трудно бывает продать? – спросил я.

– Не трудно, а, как правило, просто невозможно. Но я и не пытаюсь. Я копирую свои картины маслом в акварели, с видоизменениями по требованиям рынка.

Снова наступила пауза; девушка протянула кисть к палитре, и я подумал, что задержался настолько долго, насколько позволяют приличия. Соответственно я приподнял шляпу и, выразив надежду, что не слишком помешал ей, приготовился уходить.

– Вовсе нет, – сказала она, – и спасибо за мастихин, хотя он не мой – не был моим до сих пор. Доброго утра.

С легкой улыбкой и кивком она отпустила меня, и я задумчиво пошел дальше.

Это была очень приятная встреча. Всегда интересно познакомиться с человеком, которого какое-то время знаешь по внешности, но который в других отношениях тебе совершенно незнаком. Голос, манеры, небольшие проявления характера, подтверждающие предварительное впечатление или противоречащие ему, – все это очень интересно и постепенно заполняет пустые места в вашем представлении о человеке. Как уже говорил, я часто встречал эту трудолюбивую девушку во время своих прогулок, и у меня сложилось впечатление, что она хорошая – возможно, такое мнение сформировалось под влиянием ее приятной внешности и изящной осанки. И эта хорошая девушка оказалась очень достойной и выдержанной, но в то же время простой и откровенной, хотя, вероятно, ее любезное отношение объяснялось наличием у меня альбома для рисования: она приняла меня за художника. У нее приятный голос и безупречное произношение, с легким оттенком благородной леди в манерах, и мне все это очень нравилось. И имя у нее, вероятно, красивое, если я верно его угадал: на крышке коробки была частично прикрытая лежащей палитрой надпись «Сил»¹, и какое более очаровательное и соответствующее имя может носить красивая молодая девушка, которая проводит дни среди лесов и полей моего любимого Хэмпстеда.

Потешив себя этой мелочью, я пошел по длинной травянистой аллее между живыми изгородями, летом покрытыми дикими розами, а сейчас радовавшими крупными овальными ягодами, гладкими, блестящими и алыми, как коралловые бусы, – пошел по полям к Голденз Грин, а оттуда на Миллфилд Лейн к моему дому в «Евангельском дубе» и к моей домовладелице и хозяйке, которая встретила меня словами о катастрофических последствиях отсутствия пунктуальности (и жары) для бараньих котлет с жареным картофелем.

Утро было беззаботное и как будто лишенное значительных событий, однако когда я вспоминаю о нем, вижу отчетливую причинно-следственную связь от его простых происшествий и понимаю, что неосознанно наткнулся на одну из бусин в ожерелье моей судьбы.

¹ Сильвия – имя латинского происхождения, в переводе означает «лесная». Здесь и далее примечания переводчика.

Глава 4. Септимус Мэддок, покойный

Была уже середина ноября, когда я однажды днем зашел в музей больницы не с определенной целью, а скорее просто в поисках занятия. В течение последних нескольких дней у меня слегка оживилось стремление к труду – как ни странно, это совпадало с резким ухудшением погоды, – и поскольку патология была моим слабым местом, музей призывал меня (хотя, боюсь, не очень громко) побродить среди его многочисленных сосудов и высушенных препаратов.

В большом зале находился только один человек, но это был очень значительный человек – не кто иной, как наш лектор по вопросам юриспруденции доктор Джон Торндайк. Он сидел за небольшим столом, на котором стояло несколько сосудов и лежало множество фотографий, и он как будто составлял каталог всего этого; но как он ни был занят своим делом, когда я вошел, он поднял голову и встретил меня самой искренней улыбкой.

– Что вы думаете о моей маленькой коллекции, Джардин? – спросил он, когда я почти-тельно подошел.

Прежде чем ответить, я посмотрел на группу объектов на столе и никакого объяснения не получил. Поистине это была странная коллекция. В плоском сосуде пять мышей разной окраски, в других сосудах три крысы, человеческая нога, рука, заметно деформированная, четыре птичьи головы и несколько фотографий растений.

– Похоже, – сказал я наконец, – на то, что аукционер назвал бы разнообразными лотами.

– Да, – согласился доктор Торндайк, – в определенном смысле это разнообразная коллекция. Но есть и связующая идея. Все это демонстрирует феномен наследственности, открытый и описанный Менделем.

– Мендель! – воскликнул я. – А кто это такой? Никогда о нем не слышал.

– Я так и знал, – произнес Торндайк, – хотя он опубликовал свои результаты до того, как мы родились. Но важность его открытия начинают осознавать только сейчас.

– Вероятно, – предположил я, – тема слишком значительная и сложная, чтобы было возможно краткое объяснение.

– Конечно, тема очень значительная, – ответил он, – но если говорить о сути, то великое открытие Менделя сводится к следующему: некоторые характеристики наследуются лишь частично и постепенно ослабевают при переходе от поколения к поколению, но другие характеристики наследуются полностью и переходят от поколения к поколению без изменений. Возьмем в качестве иллюстрации несколько примеров. Если негр женится на европейке, потомки рождаются мулатами – это форма, промежуточная между негром и европейцем. Если мулат женится на европейке, потомки будут квартеронами – еще один промежуточный вид. Следующее поколение дает нам окторонов – промежуточный вид между квартеронами и европейцами. И от поколения к поколению негритянская характеристика постепенно ослабевает и окончательно исчезает. Но есть другие характеристики, что наследуются целиком или не наследуются вовсе, и такие характеристики проявляются в парах, которые позитивны или негативны по отношению друг к другу. Примером таких характеристик является пол. Мужчина женится на женщине, и их потомки будут либо мужчинами, либо женщинами, промежуточных видов не бывает. Наследуется пол только одного родителя, и наследуется полностью. Мужской или женский пол не меняется при переходе от поколения к поколению, он не исчезает и не сливается с другим. Таково понимание Менделем наследственности.

Я посмотрел на коллекцию и остановил свой взгляд на ненормально выглядящей ноге, белой и сморщенной, висящей в чистом спирте. Я поднял сосуд и впервые заметил, что у этой ноги лишний палец. Я спросил, что иллюстрирует данный образец.

– Шестипалая нога, – ответил Торндайк, – пример деформации, которая без всяких изменений передается от поколения к поколению. Другой пример – брахидактильная рука. Бра-

хидактилия проявляется у потомков полностью, либо не проявляется вовсе. Промежуточных случаев не бывает.

Он поднял сосуд, протер тряпкой и показал заключенную в нем руку, и то была необычно выглядящая рука, широкая и коренастая, как лапа крота.

– Кажется, у пальцев только два сустава, – сказал я.

– Да, это все большие пальцы. Только у большого пальца два сустава. Сустав в каждом пальце подавлен.

– Это делает руку очень неловкой и бесполезной, – заметил я.

– Так можно подумать. Конечно, с такой рукой не станешь Листом или Паганини. Но не нужно предполагать слишком многое. Я однажды видел в Люксембурге безрукого мужчину, копирующего картины, и копирующего очень хорошо. Он держал кисть пальцами ноги и так хорошо владел ногами, что не только искусно рисовал, но очень картинно снял ногой с головы шляпу перед дамой. Так что, Джарвис, дело не в руке, а в мозге, который ею руководит. Если центр движения правильный, будет действовать даже очень несовершенная рука.

Он поставил сосуд на стол, потом, после короткой паузы, повернулся ко мне и спросил:

– Чем вы сейчас занимаетесь, Джардин?

– В основном бездельничаю, сэр, – замялся я.

– Не такое уж плохое занятие, – сказал Торндайк с улыбкой, – если делать это тщательно и не очень долго. Не хотите ли на неделю или две заняться практикой?

– Не знаю, сэр. Кажется, не очень хочу, – ответил я.

– Почему? Это было бы полезным опытом и дало бы вам полезные знания; рано или поздно вам все равно понадобятся эти знания. Вы знаете, что больничные условия ненормальные. Общая практика – нормальное медицинское занятие, и чем раньше вы узнаете условия в большем мире, тем лучше для вас. Чем дольше будете работать в палатах, тем больше будете походить на сестер, которые другого не знают. Весь мир больница, а люди в нем актеры.

Я на несколько минут задумался. Это все правда. Я квалифицированный врач, но об обычной медицинской практике не имею ни малейшего представления. Для меня все пациенты либо стационарные больные, либо вообще не пациенты.

– Вы имеете в виду какую-то конкретную практику? – спросил я.

– Да. Я только что встретил одного из наших старых студентов. Он должен уехать сегодня вечером или завтра утром, но не нашел никого, кто бы присмотрел за его работой. Не хотите его заменить? Думаю, это нетрудная практика.

Я подумал и решил согласиться.

– Хорошо, – сказал доктор Торндайк. – Вы поможете собрату по профессии и приобретете некоторый опыт. Нашего друга зовут Бэтсон, и он живет на Джейкоб-стрит, Хэмпстед-Роуд. Сейчас запишу вам адрес.

Он протянул мне листок бумаги с адресом и пожелал успеха, и я сразу ушел из больницы. Настроение у меня было приподнятое, как всегда у молодого человека в начале нового пути.

Помещение доктора Бэкстона на Джейкоб-стрит оказалось скромным до стадии унылости. Но и сама Джейкоб-стрит и вся округа унылая, район больших старых грязных домов, которые видали лучшие дни. Однако сам доктор Бэкстон выглядел щеголеватым джентльменом. Он мне явно обрадовался, что стало очевидно, когда он вошел с сердечным приветствием, распространяя легкий запах шерсти.

– Рад познакомиться, доктор, – громко воскликнул он. Это «доктор» было дипломатическим ходом с его стороны: к новичку в больнице не обращаются «доктор». – Я утром встретил Торндайка и рассказал ему о своем затруднении. Занятой человек наш Великий Знаток, но никогда не бывает настолько занят, чтобы не помочь другу. Можете начать сегодня вечером?

– Могу, – подтвердил я.

– Сделайте это. Мне нужно в восемь тридцать уйти с Ливерпуль-стрит. Заходите в шесть тридцать, немного поедим. К тому времени я закончу дневную работу, и вам достанутся вечерние консультации.

– Есть ли больные, которых я должен осмотреть с вами? – спросил я.

– Нет, – ответил Бэкстон несколько беззаботно, как мне показалось. – Все случаи легкие. Есть больной тифом, но там все хорошо, идет четвертая неделя, и он выздоравливает; есть тонзиллит и псоас абсцесс – это скучно, но состояние улучшается; еще старуха с больной печенью. С ними у вас не будет особых трудностей. Есть только один необычный случай – сердце.

– Порок клапанов сердца? – спросил я.

– Нет, это я точно знаю. Не знаю, что это, но знаю, чем оно не является. Еще мужчина, жалуется на боль, затруднение дыхания, слабость, но никаких причин не могу найти. Звучание сердца нормальное, пульс хороший, отеков нет, ничего нет. Похоже на симуляцию, но не понимаю, зачем ему симулировать. Думаю, вам сегодня вечером нужно взглянуть на него.

– Вы держите его в постели? – спросил я.

– Да, – сказал Бэкстон, – хотя общее состояние как будто этого не требует. Но один или два случая потери сознания, а вчера он упал в спальне, когда там никого не было, и, чтобы еще осложнить положение, он упал на бутылку с лекарством, и она разбилась. Он мог убить себя, – огорченно добавил Бэкстон, – длинный осколок от дна бутылки попал ему в спину и оставил глубокий порез. Поэтому я уложил его в постель, чтобы не стало хуже. И он лежит, ужасно жалеет себя, но, насколько могу судить, без единого ощутимого симптома.

– Никаких лицевых признаков? Ни перемен в цвете или выражении?

Бэкстон рассмеялся и постучал по своим очкам в золотой оправе.

– Ага! И вы туда же! Когда у вас минус пять диоптрий и нерегулярный астигматизм, который не исправляют очки, все люди кажутся вам одинаковыми, немного фрагментарными. Я ничего необычного в его лице не увидел, но вы можете увидеть. Время покажет. Теперь можете сходить за своими вещами, а я позабочусь о страдальцах.

Он вывел меня на унылую Джейкоб-стрит и пошел в направлении Камберленд Маркет, а я отправился к себе в «Евангельский дуб».

Идя по полным народа улицам Кэмден Тауна, я думал об открывающемся передо мной новом опыте и с юношеским самомнением уже видел, как ставлю замечательный диагноз в непонятном случае сердечной болезни. Я также с удивлением думал о том, как спокойно относится Бэкстон к состоянию своего зрения. Я заметил, что некоторые художники считают плохое зрение ценным качеством, позволяющим им устранять тривиальные подробности, что оказывает благотворное влияние на картину. Но для врача такой самообман вряд ли возможен. Зрительные впечатления для него наиболее важны.

Я затолкал в большой кожаный саквояж вещи, необходимые на неделю жизни, вместе с несколькими незаменимыми инструментами, сел в грохочущую конку тех дней до электричества и поехал на Джейкоб-стрит, Хэмпстед Роуд. Когда я приехал, доктор Бэкстон еще не вернулся из обхода, но через несколько минут он вошел, напевая мелодию из «Микадо».

– Ага, вы уже здесь! Пунктуальны до минуты. – Он повесил шляпу на вешалку, положил на раздаточный прилавок список посещений и начал с ловкостью фокусника подбирать лекарства, продолжая непрерывно говорить. – Это для старой леди с больной печенью, миссис Мадж, Камберленд Маркет, предписание найдете в ежедневнике. Возможно, вы не знаете, как заворачивать бутылочку с лекарствами. Следите за мной. Вот так. – Он положил бутылочку на квадратный лист бумаги, сделал несколько ловких движений пальцами и протянул мне для осмотра маленький белый пакет, как саркофаг покойной медицинской бутылочки. – После некоторой практики это очень легко, – сказал доктор Бэкстон, ловко опечатывая концы воском, – но вначале вы будете делать ужасные ошибки.

Это его пророчество подтвердилось тем же вечером.

– Когда мне лучше всего увидеть сердечного больного? – спросил я.

– О, вы его совсем не увидите. Он умер. Я получил сообщение полчаса назад. Жалко, правда? Мне хотелось бы услышать, что вы о нем скажете. Должно быть, ожирение сердца. Напишу свидетельство, когда подумаю немного. Мэгги! Где записка, которую оставила миссис Сэмвей?

Он крикнул это в открытую дверь, и в результате появилась тощая служанка с открытым конвертом.

– Вот оно, – сказал Бэтсон, доставая листок из конверта и открывая книгу свидетельств. – Имя покойного – Септимус Мэддок, пятьдесят один год, адрес 23 Гейтон-стрит, причина смерти – вот что я хотел бы знать: основная причина, побочные причины; я бы хотел, чтобы эти проклятые правительственные клерки нашли себе занятие получше, чем заполнять печатные бланки глупыми головоломками. Напишу «болезнь сердца» – для них этого достаточно. Миссис Сэмвей – его хозяйка, наверно, вечером придет за свидетельством.

– Вы не осмотрите тело? – спросил я.

– Боже, нет! Зачем это мне? В этом нет необходимости. Я не могильщик. Хотел бы им быть. Мертвые гораздо выгодней живых.

– Но ведь смерть нужно подтвердить! – воскликнул я. – Может, тот человек совсем не мертв.

– Знаю, – ответил Бэтсон, продолжая строчить, словно писал стихи, – но это не мое дело. Это дело закона. Закон отнимает ваше время, нагромождая глупые незначительные вопросы, но задает и вопросы, имеющие значение. Укажите точное время, когда в последний раз видели его живым – это неважно, но меня не спрашивают, видел ли я его мертвым. Шмель был прав: закон – осел.

– Тем не менее, – настаивал я, – если оставить в стороне требования закона, разве вы не должны для собственной уверенности и ради общественного блага подтвердить смерть? А что, если тот человек на самом деле не умер?

– Это было бы очень неловко для него, – заметил Бэтсон, – и для меня тоже, если бы он перед погребением ожил. Но в реальной жизни так не бывает. Преждевременные похороны бывают только в романах.

Его легкомысленная уверенность раздражала меня. Как может он или кто-нибудь другой знать, что произошло?

– Не понимаю, как вы пришли к такому выводу, – сказал я. – Доказать это можно только полной эксгумацией. И остается фактом: если вы не подтверждаете смерть, у вас нет никакой страховки от преждевременного погребения или кремации.

Бэтсон вздрогнул и посмотрел на меня, его широко открытые светло-голубые глаза выглядели нелепо маленькими сквозь вогнутые линзы очков.

– Ей-богу! – воскликнул он. – Очень рад, что вы об этом упомянули. О кремации, я имею в виду, потому что скорее всего она произойдет. Несколько дней назад я как свидетель подписал его завещание и помню, одно из его условий – кремация тела. Поэтому мне придется подтвердить его смерть для получения свидетельства о кремации. Давайте немедленно пойдем и взглянем на него.

С характерной порывистостью он вскочил, взял с вешалки шляпу и пошел, и мне пришлось идти за ним.

– Ужасно неудобны эти особые правила, – сказал Бэтсон, быстро идя по улице. – Причиняют много хлопот и очень все задерживают.

– Разве обычного свидетельства о смерти недостаточно для кремации? – спросил я.

– С точки зрения закона достаточно, хотя говорят о введении новых правил, но Компания сама себе закон. У нее адски строгие правила, и так как вблизи Лондона нет крематориев, кроме одного, в Уокинге, приходится подчиняться их правилам. И это напоминает мне...

Бэтсон остановился и свирепо посмотрел на меня сквозь очки.

– Напоминает вам? – повторил я.

– Что они требуют второе свидетельство о смерти, подписанное человеком с медицинской подготовкой. – Он постоял, что-то бормоча про себя, потом неожиданно повернулся и пошел в новом направлении. – Надо поймать другого человека и захватить с нами, – объяснил он, идя по Хэмстед Роуд. – Совсем об этом забыл. Его зовут О’Коннор, младший врач из Северно-лондонской больницы. Он пойдет с нами, если мы застанем его дома. Если нет – вам придется заменить его.

Бэтсон взглянул на свои часы – поднес их на расстояние в четыре дюйма к носу – и двинулся вперед еще быстрее. Мы прошли небольшую площадь. Он остановился у двери, на которой висела скромная медная дока с надписью «Доктор О’Коннор», схватил ручку звонка и стал дергать, словно работает на пневматическом насосе.

– Доктор дома? – спросил он у изумленной служанки и, не дожидаясь ответа, влетел в коридор, прошел по всей его длине, как будто исполняя танец мечей, и наткнулся на незамеченный половик.

Доктор был у себя, он появился в вечернем костюме, с пальто через руку, и, казалось, торопится не меньше Бэтсона.

– До завтра это не подождет? – спросил он, когда Бэтсон объяснил суть дела и попросил его помощи.

– Лучше идите сейчас, – умоляюще произнес Бэтсон, – это займет несколько минут, и я смогу заняться своими делами.

– Хорошо, – сказал доктор О’Коннор, надевая пальто. – Идите, а я приду через несколько минут. Мне по пути на запад нужно взглянуть на пациента, и я опоздаю на встречу. Напишите адрес на моей карточке.

Он протянул моему патрону карточку, тот написал на ней адрес, и доктор О’Коннор ушел. Бэтсон очень быстро пошел вслед за ним, снова наткнулся на половик и выскочил на тротуар, как запоздавший спринтер.

Гейтон-стрит, на которую мы вскоре пришли, такая же серая и грязная, как десятки других боковых улиц в этом районе, и дом № 23 отличался от соседних только тем, что был чуть грязнее. В ответ на неприлично громкий стук Бэтсона появилась женщина – может, ее следует назвать леди. Она впустила нас и Бэтсон без всяких предисловий объяснил ей нашу цель.

– Я получил вашу записку, миссис Сэмвей. И привел с собой друга, чтобы осмотреть пациента. Неприятное дело. Очень печальное. И неожиданное. Вчера он не казался крайне плохим. В какое время это произошло?

– Не могу сказать точно, – ответила она. – Когда я заглянула к нему вчера вечером, ему как будто было хорошо и удобно, но когда я пришла к нему в семь утра, он был мертв. Должны бы дать вам знать раньше, но я ожидала, что вы зайдете.

– Хм, да, – кашлянул Бэкстон, – очень печально. Кстати, кажется, мистер Мэддок хотел, чтобы его останки были кремированы?

– Да, так сказал мне муж. Вы помните, в отсутствие родственников он душеприказчик. Похоже, все родственники мистера Мэддока в Америке.

– У вас есть бланк сертификата? – спросил Бэтсон.

– Да. Сегодня днем муж взял все необходимые формы у могильщика.

– Хорошо, миссис Сэмвей, мы только взглянем на тело. Мне нужно подтвердить, что я его видел, понимаете?

Женщина провела нас в гостиную, где, вероятно, работала одна, потому что на столе лежал неоконченный предмет какой-то одежды. Оставив нас здесь, она вышла и вскоре вернулась со стопкой бумаг и с зажженной свечой; мы встали и пошли за ней в боковую комнату на

первом этаже. Комната маленькая, скромно меблированная, с окнами, задернутыми прочными занавесями; у стены кровать, на ней неподвижный человек, накрытый простыней.

Хозяйка поставила подсвечник на столик у кровати и отступила, уступая место Бэксону, который откинул простыню и посмотрел на тело близоруким взглядом. Покойный – хрупкого телосложения мужчина лет пятидесяти, но кроме того, что он чисто выбрит, я ничего не мог сказать о его внешности, так как, помимо обычной повязки под подбородком, чтобы не опускалась челюсть, плотная повязка на голове удерживала ватные тампоны на глазах, не дававшие им открываться.

Бэтсон прижал стетоскоп к груди покойника, а я не без интереса посмотрел на хозяйку. Миссис Сэмвей выглядела необычно, и я нашел ее красивой, хотя лично меня она не привлекала. Ей лет тридцать, она выше среднего роста, у нее пропорции Юноны, с маленькой головой, очень изящно расположенной на плечах. Черные волосы, разделенные посередине, опускались по обе стороны от лба: они очень гладкие и собраны сзади аккуратным узлом. В целом это напомнило мне так называемую «Клитию», в этом виделась умиротворенность, но не имелось мягкости и нежности той головки. Однако самым удивительным в женщине казался цвет ее глаз, таких серых или карих я никогда не встречал; они были так бледны, что напоминали светлые точки, как глаза лемура или кошки в темноте, и эта особенность придавала взгляду особую напряженность и пронизательность.

Я едва успел заметить такие своеобразные особенности, как Бэтсон, закончив осмотр, протянул мне стетоскоп.

– Послушайте, раз уж вы здесь, – сказал он и, повернувшись к нашей хозяйке, добавил: – Давайте посмотрим эти документы, миссис Сэмвей.

Он прошел к столу, а я занял его место у кровати и начал осмотр. Конечно, это только формальность, потому что человек явно мертв, но, настаивая на необходимости убедиться в его смерти, я должен был проявить скептицизм. Соответственно я путем прикосновения и при помощи стетоскопа проверил район сердца. Можно не говорить, что я не услышал никаких звуков работы сердца и никаких признаков пульса; легкого прикосновения к поверхности груди оказалось достаточно, чтобы отбросить все сомнения. Живое тело не может быть так полностью лишено тепла.

Я отложил стетоскоп и задумчиво смотрел на мертвеца, неподвижного и застывшего, с перевязанной челюстью и закрытыми глазами, и неопределенно думал, каким он мог быть живым и какая болезнь столь неожиданно увела его из мира живых. Бессознательно (по привычке, полагаю) мои пальцы легли на липкое, без пульса, запястье. У ночной сорочки был очень длинный рукав, почти закрывавший пальцы, и мне пришлось отвернуть его, чтобы дотронуться до места, где обычно прощупывается пульс. Делая это, я чуть передвинул мертвую руку и впервые заметил отчетливый ригор мортис, или трупное окоченение – состояние, которое должен был заметить раньше.

В этот момент я поднял голову и увидел, что миссис Сэмвей смотрит на меня с очень странным выражением. Она наклонилась к Бэтсону, заполнявшему многочисленные бланки, но смотрела на меня, и выражение ее светлых кошачьих глаз не оставляло сомнений в том, что она крайне недовольна моими действиями. В некотором смятении, браня себя за несоблюдение правил приличия, я торопливо вернул на место рукав мертвеца и встал.

– Вероятно, вы заметили, – подытожил я, – что здесь отчетливый ригос мортис.

– Я не заметил, – поморщился Бэтсон, – но хорошо, что вы заметили. Надо будет рассказать об этом О'Коннору, когда он придет.

– Кто такой О'Коннор? – спросила миссис Сэмвей.

– Это врач, который подпишет сертификат для крематория.

В глазах хозяйки снова мелькнул безошибочный гнев, и она спросила:

– Тогда кто этот джентльмен?

– Это доктор Хамфри Джарвис, – сказал Бэтсон. – Простите, что не представил его раньше. Доктор Джардин временно займет мое место. Я сегодня вечером уезжаю на неделю.

Миссис Сэмвей зло посмотрела на меня своими удивительными глазами и сдержанно заметила:

– Не понимаю, зачем вы его сюда привели.

Она повернулась ко мне спиной, и я решил, что эта женщина похожа на мегеру, хотя мое присутствие, конечно, непрошеное вторжение. И собирался уйти, когда извинения Бэтсона прервал громкий стук в уличную дверь.

– А вот и О’Коннор, – обрадовался Бэтсон и, так как миссис Сэмвей пошла открывать дверь, добавил: – Похоже, она разозлилась, хотя не понимаю почему. И О’Коннору не нужно бы так барабанить в дверь, когда в доме покойник. У него будут неприятности, если не научится себя вести.

Манеры нашего коллеги, несомненно, не были тактичными. Он ворвался в комнату с часами в руке, говоря, что уже опоздал на три минуты, и добавил:

– Если я что и ненавижу, так это опоздания на ужин. Бланки готовы?

– Да, – ответил Бэтсон, – вот они. Первым лежит мое свидетельство. Ваше под ним.

Доктор О’Коннор быстро просмотрел длинный список вопросов и недовольно осведомился:

– Проведен ли тщательный внешний осмотр? Хм. Провели ли вы вскрытие? Нет, конечно, не провел. Что за чушь собачья! Если кремация станет распространенной, не останется ни на что времени, кроме похорон. Кто ухаживал за покойным?

– Я, – сказала миссис Сэмвей. – Иногда меня подменял муж, но почти всегда ухаживала я. Меня зовут Летиция Сэмвей.

– Покойный ваш родственник?

– Нет, только друг. Он какое-то время жил с нами в Париже и вместе с нами приехал в Англию.

– Чем он занимался?

– Номинально он дилер в области произведений искусства. На самом деле у него независимое состояние.

– Ваши финансовые интересы как-то связаны с его смертью?

– Он оставил нам семьдесят фунтов. Мой муж душеприказчик его завещания.

– Понятно. Давайте немного поговорим снаружи, Бэтсон, прежде чем я проведу осмотр. Это проклятый фарс, но мы должны заполнить все необходимые документы.

– Конечно, – согласился Бэтсон. – Нельзя оставлять место для вопросов и сомнений.

Он встал и вместе с О’Коннором вышел в коридор; сквозь дверь доносились звуки их разговора.

Как только мы остались одни, я попытался заключить мир с миссис Сэмвей, извиняясь за свое вторжение дом траура.

– Временно, – заключил я, – я помощник доктора Бэтсона, он хотел, чтобы я пришел с ним, и я пришел, не подумав, что мое присутствие может вызвать возражения. Надеюсь, вы меня простите.

По-видимому, мое смирение ей понравилось, ее сдержанные и неприветливые манеры сменились вежливыми, и она вознаградила меня улыбкой, которая совершенно изменила ее лицо.

– Конечно, – сказала она, – с моей стороны глупо быть такой сварливой и грубой. Но это выглядело немного черство, когда я увидела, как вы играете с бедной мертвой рукой, и вы должны принять это во внимание.

Она снова улыбнулась – очень приятно, и как раз в тот момент двое моих коллег вернулись в комнату.

– Теперь, – заявил О’Коннор, – осмотрим тело и закончим на этом.

Он прошел к кровати и, отвернув простыню, быстро осмотрел труп.

– Нелепый фарс, – фыркнул он. – Выглядит все в порядке. Будет выглядеть, во всяком случае. Куча бюрократической волокиты. Что даст внешний осмотр тела? Единственная полезная вещь – вскрытие. Что это за пластырь на спине?

– О, – сказал Бэтсон, – это небольшой порез на спине от осколка бутылки. Я использовал пластырь, потому что на спине трудно сделать повязку. И он не хотел, чтобы повязка сдавливала ему грудь.

– Да, конечно, – согласился О’Коннор. – Что ж, все правильно. Дайте мне форму, я ее заполню и подпишу. – Он сел за стол, снова посмотрел на часы, громко застонал и начал быстро писать. – Египтяне были не такими уж плохими судьями, – произнес он наконец, положив ручку и вставая. – Бальзамирование могло быть хлопотно, но когда оно сделано, это очень полезно. В случае спора покойник всегда доступен, и не нужна вся эта бюрократия. Спокойной ночи, миссис Сэмвей.

Он застегнул пальто и вышел, а через одну-две минуты мы последовали за ним.

– Ей-богу! – воскликнул Бэтсон. – Это дело помешало моей подготовке. Нужно приготовить и отправить все лекарства, не говоря уже об ужине. Но ужину придется подождать, пока я все не закончу. Не торопитесь, Джардин, а мне нужно бежать и приниматься за работу.

С этими словами он быстро пошел и вскоре исчез за углом. Вернувшись его приемную, я увидел, что он пишет в ежедневнике со скоростью парламентского репортера.

Мастерство Бэкстона в обращении с бутылочками и оберточной бумагой наполняло меня восхищением и отчаянием. Я тщетно попытался помочь ему, но в конце он выхватил у меня смятую бумагу, в которую я пытался завернуть бутылочку, взял другой листок и в мгновение ока превратил бутылочку в аккуратный маленький белый пакет, как фокусник сменяет мятую шляпу на морскую свинку. Это просто удивительно.

Мой хозяин был весел, но непоседлив. Не менее шести раз он вставал из-за стола, чтобы взять предмет, о котором только что вспомнил, а после ужина, когда я вместе с ним прошел в его спальню, он трижды выкладывал все из чемодана, дабы убедиться, что ничего не забыл. Он меня тревожил. Такие беспокойные люди заставляют других нервничать. Я с тревогой смотрел на доктора и испытал большое облегчение, когда служанка доложила о прибытии кеба.

– До свидания, доктор! – весело сказал Бэкстон, пожимая мне руку через открытое окно кеба. – Не забывайте держать запасные бутылочки. Это избавляет от многих неприятностей. И не делайте обходы слишком долгими. До свидания!

Экипаж загрохотал, а я вернулся в дом полноправным врачом общей практики.

Глава 5. Комната смерти

Молодой, только что получивший квалификацию врач, начиная заниматься практикой, бывает удивлен и разочарован новыми условиями. Он привык к профессиональной и чисто научной атмосфере больницы, и неожиданное вторжение личных элементов как господствующего фактора ставит его в тупик. Он оказывается в новом и неожиданном положении. Он больше не простой безличный сотрудник, часть большой машины, а платный слуга своих пациентов, иногда готовых дать ему это понять. Пациент больницы, который благодаря дисциплине в ней привыкает в палате к покорности и уважительному отношению к персоналу, сменяется нанимателем, обычно критичным, иногда грубым и склонным к неприятным откровенностям в речи.

Более того, пациенты особенно проявляют такие свойства, когда, как в моем случае, знакомого врача сменяет новый, незнакомый, и они не стараются при этом сдерживаться. «Старуха с печенью» (принимая четкое определение Бэкстона) заявила, что я слишком молод, но подбодрила меня, сказав, что со временем это пройдет, а мрачный больной тифом прямо сообщил мне, что платит не за то, чтобы его лечил студент-медик.

В целом я нашел частную практику разочаровывающей и понял, что хочу побыстрее вернуться в больничные палаты и к своим спокойным одиноким прогулкам по Хэмстед Хиту.

Однако в тучах все же нашлись просветы. Некоторые пациенты оценили внимание, проявляемое мною к их болезни, очевидно, сравнив с небрежным отношением моего патрона, и были определенно дружелюбны. Но в целом меня принимали так, что при появлении каждого нового пациента я испытывал дурные предчувствия.

На четвертый вечер после отъезда Бэксона пришла миссис Сэмвей, и я приготовился снова столкнуться с пренебрежением, но ошибся. Более вежливого обращения нельзя было ожидать, хотя цель этого посещения несколько смутила меня.

– Я пришла, доктор Джардин, – пояснила она, – чтобы попросить у вас счет за помощь бедному мистеру Мэддоку. Как вы знаете, мой муж – душеприказчик по его завещанию, и так как мы вскоре возвращаемся в Париж, он хочет рассчитаться.

Я оказался в трудном положении. Я ничего не знал о финансовой стороне практики и думал о том, как бы лучше об этом сказать.

– В пятницу вечером вернется доктор Бэкстон, – замялся я, – если вы можете подождать.

– Это вполне подойдет, – ответила она, – только не забудьте ему сказать, что мы хотим получить счет немедленно.

Я обещал не забыть, а потом сказал, что она, конечно, рада вернуться в Париж.

– Нет, – покачала головой она, – мне скорее будет жаль. Конечно, Кэмден Таун не очень привлекательный район, но он близок к сердцу Лондона, и вблизи есть очень приятные и вполне доступные места. Например, Хайгейт.

– Да, но он все больше застраивается.

– К несчастью, но все равно остаются очень красивые места. Старая деревня по-прежнему очаровательна. И еще Хэмпстед. Что может быть приятней Хита? Но, может, вы незнакомы с Хэмпстедом?

– Конечно знаком, – сказал я. – Я живу в «Евангельском дубе», это совсем рядом с Хитом, и думаю, знаю все уголки по соседству. Как раз сейчас собирался погулять по Хиту.

– Это хорошо, – сочувственно произнесла она. – Очень угнетающий район, если нет возможности уйти от него. Нам здесь вначале было очень уныло, особенно после Парижа.

– Вам нравится жить в Париже? – спросил я.

– Не постоянно, – ответила женщина. – Но мы проводим там много времени. Мой муж дилер в области произведений искусства, и ему приходится много ездить. Так мы познакомились с мистером Мэддоком.

– Он тоже был дилером? – спросил я.

– Да, в некотором смысле. Но у него имелись независимые средства, и занятия дилера для него были предлогом, чтобы покупать произведения, которые он не собирался хранить. Он их покупал, а потом продавал, чтобы купить новые. Но, боюсь, я задерживаю вас своей болтовней.

– Нисколько! – возразил я. Мне хотелось поговорить с умным, образованным человеком. – Вы последний посетитель, и надеюсь, моя дневная работа окончена.

Она провела у меня довольно много времени, говоря на разные темы, и наконец заговорила о кремации.

– Думаю, это более гигиенично и здорово, чем обычные похороны, но в этом есть что-то страшное. Может, потому, что мы не привыкли к такому обычаю.

– Вы были на похоронах? – спросил я.

– Да. У мистера Мэддока не нашлось родственников в Англии, поэтому мы пошли оба. Все было очень торжественно и впечатляюще. Гроб поместили на катафалк, провели короткую службу, затем открылись две металлические двери, гроб прошел через них и исчез из вида. Мы какое-то время ждали, и вскоре нам выдали маленькую терракотовую урну, в которой находились две горсти белого пепла. Все, что осталось от нашего бедного друга Септимуса Мэддока. Вы не находите это ужасным?

– Смерть всегда ужасна, – ответил я. – Но когда мы смотрим на пепел дорогого умершего, мы понимаем, что его тело полностью уничтожено, тогда как могила хранит свои тайны. Если бы мы могли заглянуть сквозь землю и увидеть, что там происходит, мы нашли бы медленное разложение более шокирующим, чем быстрое поглощение огнем. К счастью, мы не можем этого сделать. Но мы знаем, что конечный результат один и тот же.

Миссис Сэмвей слегка вздрогнула и плотнее закуталась в накидку.

– Да, – сказала она, вздохнув, – нас всех ждет одно и то же, но лучше не думать об этом.

Мы какое-то время молчали. Я смотрел на лежащий передо мной учебник, не видя его, думая о ее последних словах, пока не поднял голову и обнаружил, что она смотрит на меня с тем же необычным напряжением, с которым смотрела, когда я сидел у тела Мэддока. Встретив мой взгляд, она быстро опустила глаза, но без смущения, и вернулась к своему обычному спокойствию.

Почти подсознательно я ответил на ее взгляд. Эта женщина выглядела необычно. Красивая, да, но того типа, который редко встречается в наше время и в нашей стране; скорее древний или варварский тип красоты, когда женская красота считалась проявлением физической силы. Мне казалось, что несовместимые цвета ее наружности говорят о каком-то необычном смешении рас: чистая розовая кожа, светлые глаза, совершенно черные волосы по обе стороны лба, похожие на маленькие волны, такие же правильные и одинаковые, как «архаичные пряди» у женщин на ранних греческих скульптурах.

Но над всем этим господствовало впечатление силы. Она полная и пухлая, мягкая и почти сверхженственная, гибкая и упругая, да, но для меня доминирующим было впечатление силы – чистой мускульной, не бульдожьей силы мужчины, но мягкой и гибкой силы леопарда. Я смотрел, как она почти расслабленно сидит, склонив голову набок, положив руки на колени, с красивыми, женственными, покатыми плечами, и чувствовал, что она может мгновенно стать активной, деятельной и грозной, как проснувшаяся пантера.

Я сравнивал ее с другими женщинами, которые ежедневно проходят по Миллфилд Лейн, когда она медленно подняла глаза и неожиданно покраснела.

– Я так необычно выгляжу, доктор Джардин? – тихо спросила она, словно отвечая на мои мысли.

Упрек был нацелен точно. Мгновение на моих губах дрожал жалкий комплимент, но я проглотил его. Она не из таких женщин.

– Боюсь, ваша внешность сбила меня с толку, миссис Сэмвей, – виновато произнес я.

– Вряд ли, – с улыбкой ответила она, – но вы действительно смотрели на меня очень внимательно.

– Что ж, – сказал я, приходя в себя, – как вы знаете, кот может смотреть на короля².

Она негромко рассмеялась – очень приятным музыкальным смехом – и встала, все еще краснея.

– По тем же причинам, – заметила она, – король может смотреть на кота. Хорошо, доктор Джардин, спокойной ночи.

Она протянула руку, очень красивой формы, хотя и немного большую – но как я сказал, она не маленькая женщина, и, хотя пожатие было мягким, оно, как и ее внешность, создавало впечатление большой физической силы.

Я проводил ее до двери и смотрел, как она идет по грязной улице легкой, плавной походкой, как те женщины, которые на диво всех времен изображены на цвета слоновой кости фризе Парфенона. Я провожал взглядом эту изящную фигуру, пока она не исчезла за углом, потом вернулся в комнату для консультаций, рассуждая, почему женщина такой красоты и очарования там мало меня привлекает.

Практика Бэтсона, помимо многих других недостатков, страдала из-за того, что совершенно не интересна для профессионала. Было ли это обычным состоянием – пациенты узнали обо мне и обратились к более опытным врачам, – не знаю; но после напряженной работы в больнице случаи, с которыми я имел дело сейчас, казались мне малоинтересными. Поэтому возможность получить нового пациента была приятным сюрпризом, и я с энтузиазмом встретил ее.

За день до предполагаемого возвращения Бэтсона мне пришел вызов, доставленный в грязном конверте, когда я сидел у постели последнего пациента в моем списке.

– Ждет ли посыльный? – спросил я, открывая конверт.

– Нет, доктор. Он только протянул мне конверт и ушел. Похоже, он очень торопился.

Я развернул довольно безграмотную записку, написанную на обычной почтовой бумаге, и прочел.

«Сэр, можете ли вы немедленно прийти на фабрику минеральных вод на Нортон-стрит? Один из наших работников тяжело поранился.

Искренне ваши Дж. Паркер

П. С. У него сильно течет кровь, поэтому, пожалуйста, бегом».

Постскрипtum добавил очень ценную информацию. Рана с обильным кровотечением требует особой перевязки и применения инструментов, которых нет в моей обычной медицинской сумке, и, чтобы взять все это, я должен по пути зайти в дом Бэтсона. Сунув записку в карман, я торопливо попрощался с пациентом и быстро пошел в направлении Джейкоб-стрит.

Мэгги, служанка, помогла мне найти материал для перевязки и упаковала сумку; она ловкая и умная девушка, хотя и не красавица, поэтому я спросил у нее о Нортон-стрит и о фабрике минеральной воды.

– О, я хорошо знаю это место, сэр, – сказала она, – хотя не знала, что фабрика работает. Нортон-стрит всего в пяти минутах ходьбы отсюда. Это совсем рядом с Гейтон-стрит, сразу за домом Сэмвеев. Свернете за угол рынка, пойдете направо по второй улице и...

– Послушайте, Мэгги, – прервал ее я, – вы хорошо знаете то место, и вам лучше пойти со мной и показать дорогу. У меня нет времени на поиски пути.

² Примерный смысл этой английской поговорки – все равны под солнцем.

– Хорошо, сэр, – согласилась она, и, так как все необходимое уже лежало в сумке, мы вместе вышли.

– Это большая фабрика? – спросил я, когда Мэгги, к восторгу Джейкоб-стрит и всей окружающей местности, пошла рядом со мной.

– Нет, сэр, – ответила девушка. – Она очень маленькая. Ее владельцы обанкротились, и помещение долго пустовало и сдавалось в аренду. Я считала, что оно все еще сдается в аренду, но, наверно, кто-то его снял и начал бизнес заново. Это здесь.

Она провела меня за угол узкой боковой улицы, в конце которой остановилась у ворот двора или конюшни. Над входом пострадавшая от непогоды доска с надписью «Международная компания минеральных вод» и наполовину сорванное печатное объявление о том, что помещение сдается в аренду, и рядом шнур от звонка. Сильный рывок вызвал внутри звон, и, когда Мэгги свернула за угол, открылась небольшая калитка в воротах и на фоне темноты появилась плохо видная фигура человека.

– Вы врач? – спросил этот человек.

– Да, – ответил я, и меня попросили войти в открытую калитку, которую мужчина немедленно закрыл, перекрыв даже слабое освещение от уличного фонаря.

– Здесь темно, – сказал невидимый сторож, беря меня за руку.

– Это верно, – согласился я, пробираясь по булыжникам. – Не лучше ли вам зажечь свет?

– Через минуту будет свет, – последовал ответ. – Понимаете, все другие работники ушли домой. Мы закрываемся точно в шесть. Сюда. Я зажгу спичку. Раненый внизу в комнате для розлива.

Мой проводник чиркнул спичкой и при свете ее провел меня в дверь, потом по проходу или коридору и вниз по пролету каменных ступеней. Внизу оказался вымощенный плиткой проход, в который выходило нечто вроде нескольких погребов. Я шел по нему осторожно, следуя за сторожем, зажигавшим спички; огонь от них отбрасывал на каменные стены мою гигантскую призрачную тень, но не рассеивал темноту впереди. Я был у открытой двери одного из подвалов, когда спичка погасла и человек за мной воскликнул:

– Минутку, доктор! Не двигайтесь, пока я не зажгу свет.

Я остановился, и в следующее мгновение меня сильно толкнули в открытую дверь. Массивную дверь немедленно захлопнули, и я услышал, как снаружи задвинули засов.

– Что это значит? – крикнул я, яростно стуча по двери и пиная ее. Конечно, ответа не было, и я прекратил свои действия: мне пришло в голову, что фабрика пуста, в ней только этот негодяй, который заманил меня сюда, и это сделано с какой-то целью, но что это за цель, даже не мог себе представить.

Однако очень скоро я получил совершенно ясный намек на намерения своего хозяина. Мое внимание привлекло легкое постукивание по двери моего подвала и заставило меня прижаться ухом к двери. Ошибиться в этом звуке было невозможно. Дверное отверстие заполняли чем-то вроде тряпок, их мой друг забивал в щели зубилом. Дверь заклепывали и делали воздухонепроницаемой.

Цель этого достаточно ясна. Меня закрывают в газонепроницаемом пространстве, где медленно задохнусь. Зачем меня заставляют задохнуться, я не мог понять: разве что оказался в руках безумца. Но я не очень встревожился. В большом помещении воздуха хватит надолго, и я легко могу выбить то, чем мой друг затыкает щели. А когда утром придут рабочие, буду пинать дверь подвала, и они выпустят меня. Особенно пугаться нечего.

Но будут ли другие рабочие? Раненый, очевидно, выдумка. Предположим, другие рабочие тоже выдумка? Я вспомнил слова Мэгги: она думала, помещение по-прежнему сдается в аренду. Возможно, так и есть. Тогда положение становится серьезным.

В этот момент мои размышления прервали звуки из соседних подвалов, там что-то двигали, тащили что-то тяжелое. И мне сразу показалось странным, что я так отчетливо слышу эти

звуки: дверь моего подвала запечатана, стены из прочного кирпича, в чем я убедился, постукав по ним костяшками пальцев. Но у меня не было времени обдумывать данные обстоятельства, потому что я услышал новый звук, от которого, признаюсь, сердце буквально поднялось в рот: громкое пронзительное шипение, как от выходящего пара. Казалось, оно исходит из какой-то части подвала, где меня замуровали, практически прямо у меня над головой, и почти немедленно тот же звук раздался в соседнем подвале и в следующем, потом в третьем. Одновременно захлопнули дверь соседнего подвала, и с шипением смешались звуки, с которыми задвигали засовы. Я слышал глухие звуки, говорившие, что щели в дверях других подвалов тоже затыкают.

Положение страшное. Свистящий звук, очевидно, связан с выходом газа под высоким давлением, и этот газ через какое-то отверстие входит в мой подвал. Я нашупал спички и ощупью прошел к тому месту, где свист газа и вообще другие звуки были всего слышнее. Здесь я зажег спичку. И ее освещение мне все объяснило. Ближе к потолку, примерно в семи футах над полом, в стене отверстие примерно в шесть квадратных дюймов, из него выходит непрерывный поток белых частиц, похожих на снежинки. Когда я остановился под отверстием, несколько таких частиц упали мне на лицо, и холод их прикосновения сразу рассказал мне ужасную историю.

Белый порошок и был снегом – снегом угольной кислоты. Шипение исходило из гигантских железных бутылок, в них под давлением находится жидкая угольная кислота, которую изготовители минеральных вод используют для газирования. Негодяй (или безумец), захвативший меня, открыл краны, и жидкость испаряется, превращаясь в снег из-за испарения и быстрого расширения. Конечно, снег быстро поглощает тепло и, не становясь снова жидким, испаряется в газообразной форме. За очень короткое время оба подвала заполнятся ядовитым газом, и, короче говоря, я оказался заперт в камере смерти.

Мне потребовалось какое-то время, чтобы написать это объяснение, которое, однако, мгновенно возникло у меня в сознании, когда свет от пламени спички упал на зловещее облако снежных хлопьев. Я сорвал пальто и принялся затыкать отверстие. Это плохая защита от газа, он все равно будет проникать через промежутки в ткани, но это остановило поток снега и дало мне время подумать.

От каких не поддающихся расчету шансов зависит наша жизнь! Если бы у меня оказался небольшой рост, через полчаса я был бы мертв, потому что отверстие, через которое поступал газ, находилось в семи футах над полом и стало бы для меня недоступно. Даже при моих шести футах роста и соответствующей длине рук я не мог с нужной силой затолкать пальто в отверстие: приходилось встать вплотную к стене, и было очень трудно поднимать руки. Тем не менее, как ни несовершенно такое препятствие, оно смогло остановить поток снега. Пройдет какое-то время, прежде чем уровень газа в соседнем помещении дойдет до отверстия, и я тем временем смогу что-нибудь придумать.

Я зажег еще одну спичку и осмотрелся. Подвал оказался гораздо меньше, чем мне казалось, и был абсолютно пуст. Пол бетонный, стены из грубого кирпича, потолок оштукатуренный, и штукатурка потрескалась и отпала. Здесь сильная вентиляция, но меня она не интересовала. Газообразная угольная кислота такая тяжелая, что ведет себя почти как жидкость; она заполнит мой подвал и задушит меня, даже если бы потолка вообще не было бы. Соседний подвал быстро заполняется, и когда газ в нем достигнет уровня отверстия, он просочится через пальто и хлынет в мой подвал. Но на это, как я сказал, потребуется какое-то время – если разделяющая стена хотя бы относительно прочна. Как только это пришло мне в голову, я принялся исследовать стену, и результаты оказались неудовлетворительными. Стена слабая, построена из некачественного кирпича, с плохим раствором, в ней многочисленные отверстия там, где между кирпичами вколачивались крюки. Короткий осмотр убедил меня в том, что в

смысле прохода газа данная стена все равно что сито, и, если я хочу сохранить жизнь, нужно немедленно искать для этого средство.

Но как мне поступить? Вот самый срочный, жизненно важный вопрос. Заткнуть многочисленные отверстия и слабые места в стене невозможно. Единственное уязвимое место – дверь. Если бы я смог установить какую-то связь с внешним воздухом, какое-то время можно было бы не считаться с ядовитым газом, которым вскоре буду окружен.

Прежде всего нужно подумать о замочной скважине. Ее нужно немедленно освободить. Порывшись ощупью в сумке – я понял, что нужно экономить спички, – нашел подходящего размера зонд, сунул его в скважину, и мои надежды немедленно рассеялись. Зонд уперся в металл. Замочную скважину не заткнули тряпкой, а закрыли металлической пластинкой, прикрепленной снаружи. С растущей тревогой, но с выработанной годами аккуратностью я положил зонд назад в сумку и принялся снова обдумывать свое положение и определять ресурсы. И тут у меня появилась идея. Надежда на нее слабая, отчаянная, но все же это идея.

Существует хитроумный вид карманного ножа, придуманный специально в интересах торговли ножами; такие ножи обычно женщины (под влиянием уговоров) дарят мужчинам. У меня был такой. Мне его подарила тетя, и сентиментальные соображения побуждали меня находить для него место в кармане, хотя я из-за этого постоянно ворчал. Но в критический момент мне он пригодился, со штопором, буравчиком, с бесконечным количеством лезвий, со скребком, зубочисткой, щипцами и другими инструментами с непонятной целью, громоздкий, отягощающий карман предмет, который, однако, спас мне жизнь.

Прежде всего я применил буравчик – применил очень осторожно, потому что такие инструменты обычно перекаливают, и они становятся хрупкими. Я просверлил в толстой доске отверстие примерно на уровне рта; работая, обдумывал дальнейшие шаги. Когда отверстие было просверлено, я использовал другой инструмент, о цели которого часто гадал, – острое с заточенными краями, похожее на маленький штык. С его помощью расширил отверстие. Этот инструмент не помог, тогда я сменил его на отвертку и расширил ею отверстие примерно до полудюйма в ширину. Сделать его больше я не мог, но этого было недостаточно. Конечно, через отверстие в полдюйма шириной можно дышать, но, когда окружает ядовитый газ, желательно отверстие побольше.

Я вспомнил, что в ноже есть пила – маленькая, с толстым лезвием, но все же пила, ею можно распилить дерево, если, конечно, есть время. Этот инструмент натолкнул меня на простой план, который я немедленно начал осуществлять, работая как можно быстрее, но не рискуя сломать инструмент. Я хотел сделать второе отверстие в двух дюймах по диагонали от первого, и из обоих отверстий сделать два разреза под прямым углом друг к другу. Таким образом в двери получится небольшое окно, через которое я смогу удобно дышать.

Задача нетрудная, но с моими жалкими инструментами ее решение заняло много времени, тем более что пила оказалась шире отверстия и можно было использовать только ее кончик. Но все же задачу удалось решить, я вытолкнул выпиленный кусок древесины и с удовлетворением подумал, что теперь у меня есть доступ к чистому воздуху за пределами моей тюрьмы.

И как раз вовремя. Я отдыхал от работы, и мне пришла в голову мысль проверить воздух внутри подвала. Я зажег восковую свечку, подождал, пока разгорится пламя, и начал медленно опускать маленький конус. Опускаясь, пламя меняло цвет и примерно в восемнадцать дюймах от пола неожиданно погасло. Значит, пол покрывает слой газа толщиной в восемнадцать дюймов, и этот слой, несомненно, становится все толще.

Это было поразительно и предупредило меня, что мне нужно иметь удобный подход к отверстию для дыхания. Потому что хоть газообразная угольная кислота ведет себя как жидкость, это все же не жидкость: подобно другим газам, у нее есть способность распространяться вверх, и воздух в подвале уже, наверно, стал опасным. Соответственно я тщательно протер

поверхность двери носовым платком, с некоторым отвращением прижался к отверстию рта и глотнул свежий воздух.

Мое положение при этом было очень неудобным, и я понимал, что скоро устану. Больше того, когда газ достигнет уровня головы, будет трудно мешать ему находить проход в мой рот и ноздри, а если газ пройдет, я точно буду отравлен. Необходимо проделать отверстие ниже, чтобы выпускать газ и чтобы я мог сменить положение. Но делать это нужно, прижимаясь ртом к отверстию для дыхания, а это было ужасно неудобно, и работа шла медленно. Второе отверстие меньше первого, потому что у меня нет времени, но я подумал, что мог бы легко увеличить его новыми разрезами пилой, убрав при этом большой кусок дерева.

Но работа была утомительная, к концу ее у меня болели руки и от неудобного положения ныло все тело. Сделав глубокий вдох, я закрыл рот, встал и потянулся. Потом зажег спичку и поглядел на часы. Половина восьмого. Я в подвале уже больше двух часов. А тем временем в приемной меня ждут пациенты и, несомненно, ворчат из-за моего опоздания. Скоро ли будет обнаружено мое отсутствие? Или, может, уже сейчас меня ищут?

Посмотрев на спичку, которую все еще держал в руке, я заметил, что ее пламя побледнело и стало синеватым, а когда начал его опускать, оно погасло в двух футах от пола. Значит, газ по-прежнему поднимается, хотя и не так быстро, как я опасался, но по изменению цвета пламени ясно, что в воздухе много газа и он становится ядовитым.

Немного погодя стоячее положение стало невыносимо утомительным. Я чувствовал, что должен хоть на несколько минут сесть, хотя благоразумие говорило мне, что это очень опасно. Какое-то время я сопротивлялся, но усталость победила, и я сел на пол, прижимаясь ртом к нижнему отверстию. Я убеждал себя, что посижу немного, только чтобы восстановить силы, но проходила минута за минутой, и я испытывал непреодолимое нежелание встать.

Неожиданно я понял, что меня начало клонить ко сну, мне захотелось лечь и немного подремать. Сонливость легкая, но ее значение настолько страшно, что я в панике вскочил и, прижавшись ртом к верхнему отверстию, несколько раз глубоко вдохнул. Но вскоре понял, что не могу стоять. Сонливость усиливалась, сильнее становилась слабость, у меня теперь остался выбор: сидеть или упасть, стоять просто не было сил. Меня охватила волна яростного гнева и немного оживила ненависть к негодяю, который заманил меня сюда, как я подозревал, на смерть. Потом это чувство прошло и сменилось холодным страхом; я снова сел, прижавшись ртом к нижнему отверстию для дыхания.

Я не замечал, как проходит время. Постепенно, почти незаметно, мое сознание становилось все более вялым. Гнев, страх и все слабеющая надежда сменяли друг друга в моем сознании. Промежутки спокойного равнодушия, почти безмятежного удобства становились все длительнее, усиливалась усталость, все сильнее становилось желание отдохнуть. Я очень хотел лечь. Лечь головой на каменный пол и погрузиться в сладкое забвение.

По-видимому, я действительно задремал, хотя, к счастью, не отрывал рот от отверстия, потому что не чувствовал, как проходит время, когда меня неожиданно привел в себя громкий звонок.

Я тупо прислушался, с усилием заставляя себя оставаться в сознании.

Звонок продолжал звучать громко и непрерывно, как мне показалось, очень долго.

Потом он прекратился, и мое сознание снова начало угасать. Какое-то время спустя (не знаю, сколько его прошло) я смутно услышал, как открывается дверь, прозвучали быстрые шаги, и меня позвали по имени.

Я попытался встать, но не мог пошевелиться. Но складной нож по-прежнему находился у меня в руке, и я смог постучать им по двери. Снова услышал голос – он звучал ближе, но в то же время был бесконечно далек, тогда я снова постучал в дверь и крикнул в отверстие для дыхания, издал слабый, приглушенный крик, какой издают в тревожном сне. Потом меня охватила сонливость, и больше я ничего не слышал.

Следующее, что я осознал, – прикосновение к щеке чего-то похожего на дохлую рыбу. Я открыл глаза и смутно разглядел совсем рядом два лица, освещенные огнем свечи. Лица показались мне знакомыми, но я не смог их узнать; несколько мгновений тупо смотрел на них, потом снова задремал. Дохлая рыба возобновила свои нападения, и я опять открыл глаза. Еще один энергичный хлопок заставил меня открыть рот и произнести нечленораздельное проклятие.

– Так-то лучше, – произнес голос, знакомый, хотя я все еще не мог «поместить» его. – Если человек способен браниться, он на пути к выздоровлению.

Хлоп!

Возобновленное нападение дохлой рыбы (позже выяснилось, что это всего лишь мокрое полотенце) продемонстрировало мои дальнейшие шаги на пути к выздоровлению, сопровождавшиеся дрожащим женским голосом. Постепенно облака разошлись, и с возвращением сознания я узнал Мэгги, служанку, и доктора Торндайка. Даже для моего затуманенного сознания присутствие последнего было для меня головоломкой, в перерывах между проклятиями дохлой рыбе – тогда я ее еще не распознал – я пытался понять, как мой уважаемый учитель мог оказаться в таком месте и вообще что это за место.

– Давайте, Джардин, – сказал Торндайк, вылив мне а лицо чашку воды и получив ответ свою порцию проклятий, – соберитесь. Как вы попали в этот подвал?

– Чтоб меня повесили, если знаю, – ответил я, собираясь снова задремать. Но снова заботало мокрое полотенце, и я раздраженно глотнул и зевнул.

– Думаю, вам нужно взять кеб, – предложил Торндайк, когда Мэгги в очередной раз выжала полотенце. – Когда будете выходить, оставьте ворота открытыми.

– Для кого кеб? – сердито спросил я. – Я что, ходить не могу?

– Если можете, это гораздо лучше, – выдохнул Торндайк. – Посмотрим, можете ли вы стоять.

Он поставил меня на ноги, и они с Мэгги, поддерживая, повели меня по вымощенному булыжниками двору, который я начал узнавать как принадлежащий фабрике минеральных вод. Вначале покачивался, как пьяный, но постепенно сонливость проходила, и я смог идти с помощью только Торндайка.

– Думаю, мы можем уходить, – сказал он наконец, подведя меня к воротам, и, когда я неловко выбрался через калитку, мы пошли домой.

Когда пришли ко мне, Торндайк попросил приготовить крепкий кофе и легкую еду, после чего – было совершенно очевидно, что в профессиональном отношении я ни на что не способен, – он предложил мне лечь в постель.

– Не волнуйтесь о практике, – сообщил он. – Я пошлю за моим другом Джервисом, и вдвоем мы присмотрим за делами. Если Мэгги даст мне листок бумаги и конверт, я напишу ему записку, она поедет на извозчике ко мне на квартиру и передаст записку доктору Джервису или моему человеку Полтону. Я останусь здесь и позабочусь, чтобы вы мирно спали.

Он написал записку, и Мэгги, одевшись так, как соответствует статусу поездки на извозчике, уехала, довольная и с достоинством. Торндайк задал мне несколько вопросов об обстоятельствах, приведших к заключению в подвале, но, поняв, что я знаю не больше Мэгги – ее он уже расспросил, – сменил тему и не позволял мне к ней возвращаться.

– Нет, Джардин, – сказал он. – Пока больше об этом не думайте. Выспитесь как следует, и, если утром будете в порядке, мы вернемся к данному делу и постараемся расставить по местам все части головоломки.

Глава 6. Военный совет

На следующее утро я проснулся поздно, точнее, не совсем проснулся, когда услышал властный и безапелляционный стук в дверь своей спальни, вслед за чем вошел рослый джентльмен лет тридцати. По его хладнокровию, по манерам сознающего свое значение человека я сразу узнал врача, но он не оставил мне возможности для сомнений.

– Доброе утро, Джардин, – решительно заговорил он, позванивая в кармане ключами или мелочью, – меня зовут Джервис. Я вторая скрипка в оркестре Торндайка. Временно распоряжаюсь здесь. Как вы себя чувствуете?

– О, я в порядке. Как раз собирался вставать. О практике можете не тревожиться. Я вполне пригоден.

– Рад это слышать, – ответил Джервис, – но вам все равно лучше отдохнуть. Я получил точные указания и слишком хорошо понимаю свое место, чтобы не выполнять их. Торндайк сказал, что вы не должны посещать больных и вообще выходить до расследования.

– Расследования? – воскликнул я.

– Да. Он придет сюда в четыре часа, чтобы расспросить об обстоятельствах, которые привели вас в закрытый подвал, а до того времени я присмотрю за практикой и за вами. В какое время вы ожидаете прибытия этого потомка летучей мыши³?

– Кого? – спросил я.

– Бэтсона. Он ведь должен сегодня вернуться?

– Да. Примерно в шесть вечера.

– Тогда вы будете свободны. Тем лучше. Этот район не очень для вас здоровый.

– Думаю, я могу работать.

– Лучше не надо. Буквально исполняйте указания Торндайка. Но вы можете рассказать мне о пациентах и поможете разобраться с ними. Кстати, это напомнило мне, что к вам заходила некая Сэмвей, красивая женщина, она напомнила мне большую гладкую полосатую кошку. Она не сказала, что ей нужно. Знаете о ней что-нибудь?

– Она должна была прийти за счетом. Но придется ей дожидаться Бэтсона. Я ей говорил об этом вчера или позавчера.

– Хорошо, – произнес Джервис, – тогда я сейчас уйду, а вы отдыхайте и подумайте о вчерашних событиях, чтобы быть готовым к Торндайку.

С этими словами он ушел, предоставив мне возможность неторопливо встать и позавтракать.

Его совет подумать о событиях прошлого вечера оказался излишним. Я вряд ли способен был забыть эти переживания. Спасти от смерти в самую последнюю минуту – такое могло полностью занять мысли, помимо ужасных обстоятельств, а тут еще таинственность, в которую обернуто все это происшествие и которая сопротивлялась всем моим попыткам понять его. Я думал об этом, вряд ли хоть на минуту забывал о нем весь день, но как ни старался, не мог найти никаких причин такого ужасного и непостижимого преступления.

В четыре часа, пунктуально до минуты, пришел Торндайк и, быстро убедившись, что мне не хуже, чем вчера, сразу перешел к делу.

– Вы провели все визиты, Джервис? – спросил он.

– Да, и отправил все лекарства. До шести делать нечего.

– Тогда, – сказал Торндайк, – выпьем чаю в комнате для консультаций и поговорим об этом деле. Я завладеваю вами, Джардин, – добавил он, – но думаю, что мы должны попытаться разобраться, даже если решим передать дело в руки полиции. Вы согласны со мной?

³ Бэт по-английски – летучая мышь. Бэтсон буквально – сын летучей мыши.

– Конечно, – ответил я. Мне льстило, что он интересуется моими делами. – Естественно, я бы хотел разгадать эту загадку.

– Я тоже, – улыбнулся Торндайк, – и потому предлагаю, чтобы вы подробно рассказали об этом деле. Я уже поговорил с вашей очень умной служанкой Мэгги и хочу услышать, что было с вами после того, как она ушла.

– Не думаю, чтобы я рассказал вам то, чего вы не знаете, – сдвинул брови я, – однако начну рассказ с того момента, как ушла Мэгги.

И подробно описал все события так, как это сделал для читателя.

Торндайк с глубоким вниманием слушал мой рассказ, время от времени что-то записывая, но не произнес ни слова, пока я не закончил. Потом, быстро просмотрев свои заметки, он сказал:

– Вы говорили о записке, что вам передали. Она сохранилась?

– Я оставил ее на письменном столе, и, вероятно, она все еще там. Да, вот она.

Я принес записку к маленькому столу, за которым мы пили чай, и положил перед доктором, а он взял ее с осторожностью фотографа, достающего мокрый снимок. Я отметил, что полученная в лаборатории привычка к точным, аккуратным движениям оправдывает себя и в повседневной жизни.

– Я вижу, – заметил он, поворачивая конверт и внимательно его разглядывая, – что он адресован «Доктору Х. Джардину». Очевидно, он знает не только вашу фамилию, но и имя. Вы можете это объяснить?

– Нет, не могу. На всех письмах, которые я получаю, написано «Доктору Джардину», и я не подписывал ни сертификатов, ни других документов.

Он записал мой ответ и, достав письмо из конверта, прочел его.

– Почерк скорее образованного, чем полуграмотного человека, и стиль ему не соответствует. Наречие в конце письма противоречит всем выражениям и правильной пунктуации. Что касается подписи, то на нее можно не обращать внимания, конечно, если у вас здесь нет знакомых по фамилии Паркер.

– Нет, – сказал я.

– Хорошо. Если разрешите, я оставлю записку у себя для дальнейших справок. Теперь задам вам несколько вопросов о ваших приключениях. Это поразительное и загадочное происшествие, еще более загадочное, должен добавить, чем кажется на первый взгляд. Но мы вскоре к этому перейдем. Сейчас нас интересует само преступление, явная попытка убить вас, а также обстоятельства, приведшие к нему, и тут возникают некоторые совершенно очевидные вопросы. И первый из них таков: вы можете как-то объяснить эту попытку покушения на вашу жизнь?

– Нет, не могу, – ответил я. – Для меня это совершенная загадка. Могу лишь предположить, что этот человек – склонный к убийствам безумец.

– Склонный к убийствам безумец, – сказал Торндайк, – спасительная мысль поставленного в тупик следователя, его последний ресурс. Но на этой стадии лучше не строить предположений. Будем опираться строго на факты. Вы не знаете ничего, что могло бы объяснить это нападение на вас?

– Нет.

– Тогда следующий вопрос: у вас имелось при себе что-то ценное?

– Нет. Пять фунтов – стоимость всего, что у меня было с собой, включая инструменты.

– В таком случае это исключает ограбление как мотив. Следующий вопрос: выгодна ли кому-нибудь ваша смерть? Есть ли у вас надежды на наследство, на владение собственностью или титулом?

– Нет, – ответил я с легкой улыбкой, – в случае смерти моего дяди я получу одну или две тысячи долларов, но думаю, альтернативным наследником станет лондонская больница. Един-

ственный человек, которому моя смерть принесет выгоду, – могильщик, получивший контракт на мои похороны.

Торндайк кивнул и записал мой ответ.

– Это устраняет наиболее распространенные мотивы предумышленного убийства, – констатировал он. – Могу сказать, что задавал данные вопросы только в качестве обычной предосторожности – *ex abundantia cautela*⁴, как говорит Джервис, когда он в судебно-медицинском расположении духа, потому что другие факты, которыми я располагаю, исключают все эти мотивы, кроме, возможно, грабежа.

– Вы недолго собирали эти факты, – заметил Джервис. – Ведь все произошло только вчера вечером.

– Я задал только несколько простых вопросов, – ответил Торндайк. – Сегодня утром я позвонил мистеру Хайфилду, чье имя как адвоката и агента владельцев списал вчера вечером с объявления на воротах фабрики. Мы с ним слегка знакомы, и я смог получить нужную информацию. Она сводится к следующему.

Примерно четыре месяца назад мистер Джилл написал ему и предложил круглую сумму за использование в течение шести месяцев фабрики минеральных вод. Хайфилд принял предложение и заключил договор, по которому помещения и небольшие запасы передаются мистеру Джиллу; остатки запасов возвращаются владельцам по оценке и по истечении срока договора.

Я записал адрес мистера Джилла и отправил моего человека Полтона с вопросами.

Адрес – меблированные комнаты в Западном Кенсингтоне, где Джилл останавливался, когда заключал договор. Он прожил там только три недели и уехал через два дня после даты заключения договора, и хозяйка не знает, куда он уехал, и вообще ничего о нем не знает.

– Звучит подозрительно, – заметил Джервис. – Он сказал Хайфилду, зачем ему нужны помещения?

– Я понял, что речь шла о работах по анализу определенной – вернее, неопределенной – концессии по добыче минерала. Но, конечно, это не дело Хайфилда. Его дело – получить ренту, и, получив ее, он забыл о мистере Джилле. Однако вы понимаете значение этих фактов. Концессия Джилла на эти работы выглядит, как сказал Джервис, подозрительно, особенно после того, что произошло. Но учитывая, что Джилл заключил договор четыре месяца назад, когда Джардин и не думал здесь показываться, становится ясно, что этот договор не может иметь отношения к данной попытке. Он снял это помещение для какой-то другой цели, возможно, для той, о которой говорил. И мы вообще не должны предполагать, что Джилл – исполнитель этого преступления. Вы можете узнать человека, впустившего вас?

– Нет, – ответил я. – Определенно нет. Я вообще его почти не видел. Там было совершенно темно, а когда он зажигал спичку, то стоял за мной или передо мной, но спиной ко мне. Единственное, что могу сказать, – заметил на нем грубые кожаные перчатки.

– Ха! – воскликнул Торндайк. – Мы были правы, Джервис.

Я переводил взгляд с одного на другого и уже собирался спросить Торндайка, о чем он говорит, когда он продолжил:

– Это закрывает еще один след. Если вы не узнаете того человека, то описание Джилла, даже если мы его получим, ничего нам не даст. Нужно начать с чего-то другого.

– Мне кажется, – сказал Джервис, – начинать нам не с чего.

– Да, у нас мало, – согласился Торндайк, – но кое-что есть. Мы установили, что мотив этой попытки не ограбление, не распределение наследства, не личная вражда. Это попытка преднамеренного убийства, но оно не могло быть запланировано более чем за неделю, потому что Джардин здесь только это время и появился он здесь неожиданно. Все указывает на то,

⁴ Чрезмерная предосторожность, лат.

что мотив, каким бы он ни был, возник недавно и по соседству. Следует начинать с этого предположения.

– Возможно ли, – сказал Джервис, – что этот Джилл – какой-то маньяк-анархист? Или бандит? Возможно, он арендовал это место, где мог бы тайно совершать убийства и скрывать тела.

– Вполне возможно, – согласился Торндайк, – и, когда мы будем осматривать фабрику – а я собираюсь это сделать завтра, – нам нужно помнить о такой возможности. Но это только отвлеченное предположение. Возвращаясь к вашим делам, Джардин, не было ли во время вашего пребывания здесь каких-то необычных событий?

– Абсолютно никаких, – сказал я.

– Никаких необычных или необъяснимых случаев с пациентами?

– Нет, ничего необычного.

– Никаких смертей?

– Одна. Но этот человек умер до того, как я приступил к работе.

– При этом не случилось ничего странного?

– Нет, – ответил я и тут, с угрызениями совести вспомнив о том, как не был уверен Бэтсон в причине смерти, добавил: – Я на это надеюсь.

– Надеетесь? – переспросил Торндайк.

– Да. Потому что сейчас поздно задавать этот вопрос. Человека кремировали.

Наступило молчание. Оба моих друга словно застыли на стульях, они молча, но очень внимательно смотрели на меня. Потом Торндайк спросил:

– Вы имели какое-то отношение к этому случаю?

– Да, – подтвердил я. – Я пошел с Бэтсоном осматривать тело.

– И вы убеждены в том, что все так, как должно быть?

Я собирался сказать «да». И неожиданно мысленно увидел, как смотрит на меня миссис Сэмвей через плечо Бэтсона со странным, непонятым выражением. А потом вспомнил ее неожиданный гнев и необъяснимую смену настроения. В то время это произвело на меня неприятное впечатление, и сейчас мне тоже стало неприятно.

– Сейчас, если подумать, я в этом не уверен.

– Почему? – спросил Торндайк.

– Ну, – слегка неуверенно сказал я, – начнем с того, что мне не кажется ясной причина смерти. Бэтсон не нашел ничего необычного, когда лечил этого человека, и я знаю, что его смерть была для Бэтсона неожиданной.

– Но ведь он, конечно, принял меры для установления причины смерти! – воскликнул Торндайк.

– Нет. Он считал, что это ожирение сердца и написал в свидетельстве о смерти «болезнь сердца», а человек по имени О'Коннор подтвердил это, подписав сертификат после осмотра тела.

– Просто осмотрев его внешне?

– Да.

Мои друзья многозначительно переглянулись, и Торндайк, неодобрительно покачав головой, сказал:

– Вот как выглядят все эти сложные меры на практике. Случай возможного жестокого отравления едва заслуживает поверхностного осмотра. И так будет всегда. Стандартные предосторожности не помогают в неожиданных случаях. В этом опасность кремации. Она дает отравителю безопасность, которой он обладал в прошлом, когда не было таких наук, как токсикология и органическая химия, когда отравителя нельзя было уличить при помощи эксгумации и анализа.

– Вы думаете, что это может быть отравлением? – спросил я.

– Я ничего не знаю о данном случае, – ответил Торндайк, – за исключением того, что при заполнении сертификата была допущена небрежность. А что вы об этом думаете? Есть ли что-нибудь еще, показавшееся вам неудовлетворительным?

Я колебался, и передо мной снова возникла миссис Сэмвей со странным, зловещим выражением в глазах. Наконец я описал этот инцидент коллегам.

– Миссис Сэмвей! – воскликнул Джервис. – Это та красивая леди Лукреция Борджиа с глазами мангуста, которая приходила сюда утром? Ей-богу, Джардин, у меня мурашки по коже.

– Как я понял, – спросил Торндайк, – вы в это время проверяли пульс покойника?

– Да.

– Полагаю, нет никаких сомнений в том, что он был мертв?

– Ни малейших. Он был холодный, как рыба, к тому же имелось совершенно отчетливое ригор мортис.

– Это кажется достаточно убедительным, – сказал Торндайк, продолжая задумчиво смотреть на свою записную книжку.

– Выглядит так, – произнес Джервис, – словно Джардин увидел или смог бы увидеть что-то необычное, которое он не должен был увидеть, и вопрос в том, что это могло быть.

– Да, – мрачно согласился я, – об этом я себя и спрашиваю. Могла быть рана или какое-то повреждение, следы внутривенной инъекции на запястье. Я бы хотел знать, что означал ее взгляд.

– Что ж, – сказал Джервис, – теперь мы никогда этого не узнаем. Могила иногда выдает свои тайны, но печь крематория никогда. Умер ли он естественной смертью или был убит, мистер Мэддок теперь – всего лишь горстка праха и не способен ничего сообщить до самого судного дня.

Торндайк поднял голову.

– Похоже, – произнес он, – у нас нет основательных причин считать, что тут было что-то неладное. Таким образом, мы возвращаемся к вашим делам, Джардин, и вопрос таков: что вы предпочитаете сделать?

– В каком отношении? – спросил я.

– В отношении покушения на вашу жизнь. Хотите обратиться в полицию или предпочитаете, чтобы мы оставили это дело за собой и сами попытались его решить?

– Я хочу, чтобы это решили вы, – ответил я.

– Причина, по которой я спрашиваю, такова, – объяснил Торндайк. – Деятельность полиции нацелена на обычные преступления: кражи со взломом, изготовление фальшивых денег, подделку чеков и тому подобное, и эта деятельность обычно основана на полученной информации. Профессиональный преступник обычно хорошо известен полиции, и, если совершена «работа», найти исполнителя обычно нетрудно; информация, необходимая для его задержания, поступает из обыкновенных источников. Но в случае необычных, непрофессиональных преступлений полиция оказывается в затруднении. Преступник ей неизвестен; союзников, от которых можно получить информацию, нет; соответственно нет начального пункта для расследования. Никаких следов нет, поэтому полиция не тратит время, труд и деньги на те случаи, где не с чего начать. Ваше дело не выглядит профессиональным преступлением. Нет очевидного мотива, и вы не можете представить полиции полезную информацию. Сомневаюсь, чтобы вы получили что-нибудь, кроме неприятной огласки; вас даже могут заподозрить в обмане.

– Боже! – воскликнул я. – Именно это они и сделают. Так они поступили в прошлый раз, и после этого дела я в их глазах стану обманщиком, придумывающим таинственные дела.

– В прошлый раз? – переспросил Торндайк. – А что было в прошлый раз? Были другие покушения?

– Не на меня, – ответил я. – Но произошло шесть или семь дней назад ночное приключение, которое заставило полицию Хэмстеда смотреть на меня с подозрением.

Тут я рассказал двум своим друзьям о мертвом (или лишившемся сознания) человеке на Миллфилд Лейн и о моих открытиях на следующее утро.

– Но мой дорогой Джардин, – воскликнул Торндайк, когда я закончил, – какой вы исключительный человек! Похоже, стоит вам высунуть нос, как вы сталкиваетесь с какой-то темной и страшной загадкой!

– Что ж, – сказал я, – надеюсь, я истощил свой дар в этом отношении. Мне совсем не хочется сталкиваться с новыми приключениями. Но что вы думаете о деле в Хэмпстеде? Думаете, я мог ошибиться? Может, этот человек был просто без сознания, как предполагала полиция?

Торндайк покачал головой.

– Я не думаю, – ответил он, – что можно с этим согласиться. Вы видели, тот человек исчез. Он вряд ли мог уйти без помощи, если вообще был в состоянии идти. Можно предположить, что сразу после вашего ухода появились какие-то люди и унесли его, и они сделали это так быстро, что не столкнулись с вами, когда вы вернулись в сопровождении полицейских. Это очень маловероятное предположение. И есть еще следы, которые вы обнаружили на следующий день; эти следы как будто убедительно свидетельствуют, что тело унесли в Кенвуд. Очень жаль, что вы встретили там сторожа; если бы пошли по следу, пока он был свежим, могли бы узнать, куда унесли человека. Но вернемся к вашему последнему случаю. Что мы должны сделать? Связаться с полицией или провести собственное расследование?

– Что касается меня, – с готовностью ответил я, – частное расследование гораздо предпочтительнее. Но разве оно не займет слишком много вашего времени?

– Не нужно извиняться, Джардин, – сказал Джервис. – Если не ошибаюсь, мой уважаемый старший «на что-то наткнулся», как говорят в морской навигации. У него уже есть теория относительно вашего дела, и ему очень хочется ее проверить. Разве не так, Торндайк?

– Что ж, – согласился тот, – должен признаться, это дело затронуло мое любопытство. Дело необычное и позволяет выдвинуть гипотезы, которые стоит проверить. Поэтому, Джардин, если вы согласны, чтобы мы провели предварительное расследование, я предлагаю, как только вернется Бэтсон, втроем, как пишут в газетах, мы «отправились на место трагедии и восстановили происходившие там события».

– А что насчет Бэтсона? – спросил я. – Рассказать ему?

– Думаю, нужно рассказать, – ответил Торндайк, – хотя бы для того, чтобы он был осторожен: ваш неизвестный враг может быть и его врагом.

В этот момент громко хлопнула входная дверь, в коридоре послышались быстрые шаги, и в комнате появился сам Бэтсон.

– Милостивый Боже! – воскликнул он, резко останавливаясь и с отчаянием глядя на наш маленький совет. – В чем дело? Что-то случилось?

Торндайк рассмеялся, пожимая руку своему бывшему ученику.

– Послушайте, Бэтсон, – сказал он, – не делайте из меня птицу, приносящую дурные вести.

– Я боялся, что произошло что-то неприятное: вмешательство полиции, расследование или нечто в этом роде.

– Вы почти не ошиблись, – улыбнулся Торндайк. – Когда будете свободны, я расскажу вам об этом.

– Я сейчас свободен, – ответил Бэтсон, садясь и глядя на Торндайка через очки. – Надеюсь, никакого скандала.

Торндайк успокоил его на этот счет и коротко рассказал о моем приключении и о предполагаемом посещении фабрики; Бэтсон слушал его с восклицаниями удивления и облегчения.

– Черт побери! – воскликнул он. – Какое счастье, что вы оказались здесь вовремя. Иначе тут было бы расследование и ужасная шумиха. Я бы не дожился до конца. Это уничтожило бы

мою практику и довело меня до сумасшедшего дома. А относительно фабрики – я бы на вашем месте не стал этим заниматься.

– Почему? – спросил Торндайк.

– Ну, вам пришлось бы отвечать на неудобные вопросы, а мы здесь не хотим скандалов. Нет смысла поднимать пыль. Любая шумиха очень плохо сказывается на медицинской практике.

Торндайк улыбнулся откровенному эгоизму моего патрона.

– Мы с Джервисом ходили туда прошлым вечером, – сказал он, – и нашли это место совершенно пустым. Вероятно, оно и сейчас пусто.

– Тогда вы не сможете туда войти. А как вы вошли вечером?

– У меня в кармане случайно оказался кусок проволоки, – без всякого выражения заметил Торндайк.

– Ха! – фыркнул Бэтсон. – Проволока? Точнее отмычка. Я бы не стал этого делать. Поднимется ужасный шум, если вас увидят. Слышите? Звонок. Это пациент. Пусть подождет. Еще ведь нет шести?

– Две минуты седьмого, – ответил Торндайк, вставая и глядя на свои часы. – Пожалуй, стоит идти. Уже темно, а если на фабрике кто-нибудь работал, сейчас уже закончил.

– К дьяволу фабрику! – воскликнул Бэтсон. – Я бы не стал туда соваться. Что это даст? Джардин в порядке, а тот тип вряд ли покажется. Вы только поднимете вонь из-за пустяка и приведете толпу репортеров. Опять этот проклятый звонок! Что ж, если не остаетесь, может, как-нибудь заглянете снова? Всегда рад вас видеть. И вас, Джервис, тоже. Вы не пойдете, Джардин. Мне нужно договориться с вами и выслушать ваш отчет.

– Я зайду позже, – сказал я, – когда вы закончите вечернюю работу.

– Вы правы, – ответил Бэтсон, открывая дверь и искусно выпроваживая нас. – Жаль, что вы не можете остаться. Спокойной ночи! Спокойной ночи!

Он с искусством, рожденным долгой практикой общения с разговорчивыми пациентами, проводил нас по коридору и, поменяв у входа на полную женщину с двумя детьми, вернулся в дом со своей добычей, и больше мы его не видели.

Глава 7. Невидимый враг

Мы быстро пошли от дома моего бывшего патрона по освещенной фонарями улице, слегка позабавленные обстоятельствами нашего ухода.

– Бэтсон всегда такой? – спросил Торндайк.

– Всегда, – ответил я. – Поспешность и суетливость – его норма.

– Какое ужасное количество времени он тратит, – заметил Торндайк. – Конечно, можно понять, как произошла ошибка с преждевременной кремацией. Ваш неисправимый делец думает о том, что будет делать дальше, а не о том, что делает сейчас. Кстати, Джардин, я считаю само собой разумеющимся, что вы тоже будете осматривать фабрику. Это необязательно. Мы с Джервисом вчера вечером уже предварительно осмотрели место; думаю, мы установили все факты, которые могут оказаться важными, если и дальше будем заниматься этим делом.

– Я считаю, мне полезно пойти с вами и точно показать вам, где и как все происходило.

– Я тоже так считаю, – подтвердил Торндайк. – Все совершенно очевидно, но вы можете показать нам что-нибудь такое, что мы упустили. Мы пришли. Я думаю, здесь ли мистер Джилл – конечно, если он еще посещает это место.

Он посмотрел вверх и вниз по улице и, достав из кармана ключ, вставил его в замок.

– Откуда у вас этот ключ? – спросил я.

Торндайк лукаво посмотрел на меня.

– У нас есть машина времени, – сказал он, поворачивая ключ и открывая калитку.

– Да, но как вы узнали, какова модель замка?

Торндайк негромко рассмеялся.

– Это простой замок промышленного производства. Дело в том, Джардин, что в нашей практике нам приходится иногда пользоваться очень нестандартными методами. Например, я обычно ношу с собой небольшой набор отмычек – к счастью для вас. Так я попал сюда вчера вечером. Далее: я никогда не выхожу без небольшой коробки с формовочным воском, чрезвычайно полезным материалом, Джардин, при сборе улики. С помощью кусочка дерева и этого воска я смог дать своему человеку достаточно данных для изготовления ключа. Нежелательно, чтобы видели, как ты пользуешься отмычкой. Можете показать нам дорогу?

Он посветил электрическим фонариком, и мы пошли по грубым булыжникам, пока не дошли до боковой двери.

– Здесь я вошел, – показал я. – Дверь выходит в своего рода коридор, в конце еще одна дверь, за ней ступени к проходу вниз.

Торндайк взялся за ручку и потянул, но дверь, очевидно, была заперта.

– В прошлый раз я оставил эту дверь открытой, – сказал он, – так что очевидно: после здесь кто-то побывал. Этого я не ожидал. Думал, наш друг исчез навсегда. Но, возможно, Джилл не имеет никакого отношения к этой попытке. Помещение мог использовать кто-то другой, знающий, что оно пусто. Как видите, сюда легко проникнуть любому.

Говоря это, он достал из кармана связку ключей и одним из них быстро открыл дверь.

– Замок строителя, – произнес он, – это обычно просто символ безопасности. Предполагается, что вы не станете его открывать, если у вас нет на то прав, но если захотите, вы сможете его открыть кусочком проволоки.

Мы прошли в коридор и, идя по нему, открывали двери комнат. В одной из комнат был очень скромно меблированный офис, но, судя по слою пыли на столе и стульях, стало очевидно, что офисом давно не пользуются; другие комнаты оказались пусты, ни следа человеческого присутствия.

– Достойный Джилл, – сказал Джервис, – кажется, подобно Диогену, обходился очень скромной обстановкой.

– Да, – согласился Торндайк, – очень трудно догадаться о его занятии. Это место выглядит так, словно его вообще никогда не использовали. Я пройду первым?

Он на мгновение остановился, осветив фонариком массивную дверь в начале лестницы, потом начал спускаться. Место поистине казалось ужасным и отвратительным, особенно для меня: еще свежи были воспоминания об испытанном здесь. Грубые кирпичные стены, покрытые треснувшими остатками побелки, черные массы паутины, погребальными сталактитами свисающие с потолка, плесень в углах – все походило на могильный склеп и очень неприятно напоминало, что могло стать таким склепом.

Моя бывшая тюрьма легко распознавалась по двум отверстиям в двери. Мы заглянули, но подвал был совершенно пуст, если не считать нескольких деревянных обломков и горстки опилок, напоминающих о моем пребывании в этой камере смерти, на которую я не мог смотреть без дрожи. Затем мы прошли в соседний подвал, рядом с моей тюрьмой, и для меня он оказался малоинтересен. Когда я был надежно заперт в своей камере, здесь неизвестный злодей сознательно и хладнокровно готовил мое убийство и не подозревал, что я смогу посмотреть на эту подготовку.

Однако Торндайк заинтересовался. Он стоял в открытой двери, словно оценивая положение разных предметов. Так на самом деле и было.

– Кто-то здесь появлялся после вчерашнего вечера, Джервис, – сказал он.

– Да, – согласился Джервис. – Этот цилиндр с газом принесли вниз через отверстие, – продолжал он. – Видите, Джардин, ему пришлось поставить на конец этот большой ящик и положить наверх цилиндрическую бутылку горлышком к отверстию. Две другие бутылки стояли горлышками вверх.

– Насколько я понял, – спросил Торндайк, – вы слышали, как открывали эти бутылки?

– Да, – ответил я, – одна была против отверстия и еще две.

– Я спрашиваю об этом, – произнес Торндайк, – потому что, как вы видите, – у стены лежат еще семь цилиндров. Все они пусты. Мы проверили это, когда приходили вчера вечером.

– О других ничего не знаю, – отозвался я. – Я отчетливо слышал, как открывали эти три бутылки; открыв третью, человек вышел из погреба и закрыл за собой дверь.

– В таком случае, – сказал Торндайк, – мы должны предположить, что остальные цилиндры использовались с другой – будем надеяться, более законной – целью. Мне интересно, почему тот человек вообще решил двигать эти бутылки.

– Возможно, – предположил Джервис, – такое размещение будет слишком понятно полиции, если она посетит это место. Он не предполагал, что вся его подготовка уже была осмотрена нами *in site*⁵. Или опять-таки цилиндры могли быть передвинуты кем-то другим. Мы предполагаем, что есть и законный обитатель этого места, он мог использовать его для своих целей.

– Да, – согласился Торндайк, – вполне вероятно, но мы можем подвергнуть это проверке, хотя бы и отрицательной. Если бутылки передвинул невиновный посетитель, на них должны быть отпечатки его пальцев.

– Но почему это не могут быть отпечатки на цилиндрах самого того человека? – спросил я.

– Потому, дорогой Джардин, что он слишком опытная птица. Вчера вечером мы с Джервисом внимательно осмотрели все цилиндры в надежде найти несколько отпечатков и представить их в Скотланд-Ярд, но ничего не нашли. Наш друг позаботился об этом. Мы предполагали, что он действовал в перчатках, и ваше описание подтвердило это предположение. Что само по себе – интересный факт, так как человек, принимающий такие предосторожности, вероятно, имеет опыт в преступлениях или по крайней мере знаком с расследованием преступлений. Мы

⁵ *In site* (лат.) – на месте (преступления).

предполагаем, что, хоть это не обычное преступление, исполнитель может быть профессиональным преступником. А также что преступление сугубо преднамеренное.

Сказав это, Торндайк достал из кармана небольшую плоскую бутылку с металлической крышкой, наполненную желтоватым порошком. Сняв крышку и обнажив другую, с отверстиями, как для йодоформа, он стал выбрасывать порошок на три верхних цилиндра, шевеля их ногой, чтобы порошок распространялся равномерно. Потом резко подул на цилиндры, один за другим, порошок исчез с поверхности, оставив одно или два бесформенных беловатых пятна, но ни одного отпечатка пальца или ладони.

Торндайк встал и положил бутылочку в карман.

– Очевидно, – заметил он, – наш неизвестный друг двигал эти цилиндры с теми же предосторожностями, что в первый раз. Он очень осторожный джентльмен, Джервис. Заставит нас потрудиться за наш гонорар.

– Да, – согласился Джервис, – он не собирается легко сдаваться. Очень тщательно сохраняет свое инкогнито. Нужно отдать ему должное.

– А тем временем, – сказал Торндайк, – нам нужно продолжать стараться извлечь его из его скромного уединения. Я попрошу вас, Джардин, осмотрите подвал и скажите, что в нем вам напоминает о происшествии или подсказывает какие-нибудь мысли и размышления.

Я осмотрелся, боюсь, несколько рассеянно. Никогда не видел такого собрания предметов, которые неспособны наталкивать на мысли.

– Вижу газовые цилиндры, – неуверенно произнес я, – но об этом я вам уже говорил. Не замечаю ничего особенного, кроме какого-то мусора.

– В таком случае внимательнее посмотрите на мусор, – сказал Торндайк. – Помните, в будущем вам придется точно вспомнить, как выглядел этот подвал и что в нем находилось. Возможно, вам придется давать показания под присягой. Поэтому осмотритесь и скажите нам, что вы видите.

Я так и сделал, про себя гадая, что я должен разглядеть и почему мне важно это заметить.

– Я вижу – сказал я, – заплесневевший подвал примерно пятнадцать футов на двенадцать, с очень плохими кирпичными стенами, оштукатуренным потолком в стадии продвинутого разрушения, с бетонным полом. Слева в стене квадратное отверстие примерно в шесть квадратных дюймов, ведущее в соседний подвал. В помещении находятся десять газовых цилиндров, все, вероятно, пустые, ключ, которым, очевидно, открывают краны цилиндров, большой упаковочный ящик, где, судя по размерам, содержались эти цилиндры...

– Слово «большой», – прервал меня Торндайк, – не слишком точное.

– Что ж, в таком случае упаковочный ящик примерно семи футов в длину, в полфута шириной и глубиной.

– Так-то лучше, – сказал Торндайк. – Всегда, если возможно, давайте количественную оценку. Продолжайте.

– Есть несколько водонепроницаемых полотнищ, – продолжил я. – Не знаю, с какой целью они использовались.

– Это неважно, – отмахнулся Торндайк. – Просто отметьте, что они здесь.

– Отметил, и это как будто все, если не считать соломы, в которую, по-видимому, были упакованы данные цилиндры. Соломы много, но не настолько, чтобы она казалась лишней для такой цели. Это завершает список, и могу добавить, что ничего из названного не вызывает у меня никаких предположений.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.